

Александр Фёдорович
Никонов

*Ковчег
острова
Альмендралехо*

Приключенческий роман

Александр Никонов

**Ковчег острова Альмендралехо.
Приключенческий роман**

«Издательские решения»

Никонов А. Ф.

Ковчег острова Альмендралехо. Приключенческий роман /
А. Ф. Никонов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749855-9

В океане найдена пустая дрейфующая яхта известного американского миллиардера русского происхождения и известного путешественника Николаса Черрика. Предполагая самое худшее, общественность и средства массовой информации начинают строить различные гипотезы о пропаже Черрика со всеми пассажирами и экипажем яхты. Высказываются разные предположения: от похищения до вмешательства мистических и инопланетных существ. Пропавший экипаж ищут корабли, самолёты, семья Черрика, частные детективы, но тщетно...

ISBN 978-5-44-749855-9

© Никонов А. Ф.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Ковчег острова Альмендралехо Приключенческий роман

Александр Фёдорович Никонов

*РЕДАКТОР: – Какие приключения, какие открытия, когда
человечество исследовало
земной шарик, как крестьянин собственный
огород!*

ПИСАТЕЛЬ: (в уме) – Ага, щас!

© Александр Фёдорович Никонов, 2021

ISBN 978-5-4474-9855-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

1

27 апреля 201... года все средства массовой информации Соединённых Штатов Америки взорвались сенсацией: пропал известный миллиардер, владелец судостроительной кампании мистер Николас Черрик. А обнаружилось это вот как.

Господин Черрик, известный любитель морских и наземных путешествий, на собственной океанской яхте отправился в очередное плавание и в планируемое время не вернулся. По сведениям родственников он намеревался на этот раз обогнуть Гренландию через Датский пролив с остановкой в Скорсбисунне, пройти Гренландским морем до северной, полярной, её оконечности, затем с Запада пройти между Гренландией и канадским островом Элсмир, а затем через море Баффина и Девисов пролив выйти в Лабрадорскую котловину.

Все сколь-нибудь понимающие в путешествиях люди говорили, что предпринимать такое рискованное предприятие в это время года по этому маршруту – полнейшее безумие. Но господин Черрик, по словам родных и друзей, был непреклонен, потому что очень давно намечал своё северное путешествие. И вот предсказания скептиков сбылись. После того как яхта под русским названием «Аннушка» не вышла на очередной сеанс связи ни по радио, ни по интернету, родственники заволновались.

Особенно заволновалась госпожа Эмили Черрик, супруга пропавшего бизнесмена и известная светская львица. На самом деле супруги уже давно не жили одной семьёй, но светские приличия и экономические выгоды ещё держали их друг возле друга, как взаимное притяжение Земли и Луны держат их рядом. Именно в этот момент ей понадобились деньги на очередное развлечение, которое она себе наметила, – это полёт на космическом челноке, где она намеревалась провести несколько часов со своим очередным бой – фрэндом. Бой – фрэнд Дик был нетерпелив и настойчив, он грозил, что если Эмили не исполнит его прихоти, он немедленно её бросит и уйдет к стареющей актрисе, которая хоть и не настолько богата, как госпожа Черрик, но готова удовлетворить все его желания. Но сейчас космическое путешествие ей было явно не по карману, потому что стоило оно с полётом на космическом челноке почти полмиллиона долларов. Похоже, её волновала не столько судьба мужа, сколько дальнейшее своё благополучие.

Вначале печать и радиоэлектронные средства высказывали лишь осторожные сожаления и намёки по поводу случившегося и строили различные предположения о местонахождении мистера Черрика. Одни писали, что, возможно, господин Черрик и не планировал никакого путешествия, что это было лишь отвлекающим маневром для папарацци, и сейчас мистер Черрик нежит свое стареющее тело под лучами солнца на каком-нибудь экзотическом знойном острове в компании не менее знойной подружки. Другие предполагали, что таким экстравагантным образом миллиардер решил вернуться на свою историческую родину, в Россию, из которой он сбежал более тридцати лет назад. Было известно, что, закончив судостроительный институт в СССР и не найдя применения своим изобретениям в разваливающейся стране, он предпочёл уехать на Запад, бросив свою молодую любовницу, комнату в коммунальной квартире и мебель в виде стола, служившим рабочим и одновременно кухонным, и два табурета в кишевшей тараканами комнатухе. Третьи предполагали самое худшее: яхту затёрло, а затем раздавило во льдах Арктики, и где сейчас могут находиться путешественники, одному Богу известно.

Были оповещены все спасательные службы приарктических государств: Дании, Исландии, Норвегии, России, Канады, но после многодневных поисков выяснилось, что такое судно не встречали ни на севере Атлантики, ни в Гренландии, ни у Шпицбергена. Лишь спасательная служба Исландии сообщила, что в порт Рейкьявика заходила на дозаправку частная под-

водная лодка, принадлежащая Николасу Черрику, но самого владельца на её борту не оказалось. Куда затем яхта ушла, было неизвестно, потому что капитан подводного судна Дарио Куатрини заявил, что действует по распоряжению владельца, а сам владелец никаких других указаний не давал, кроме одного – лодка должна прибыть в начале мая в порт Глазго. Капитан подводной лодки срочно был допрошен, но он не сказал ничего нового. Правда, была выявлена одна странность: все радиосообщения с подлодки совпадали с радиосообщениями с яхты «Аннушка» – и по времени, и по месту. Значит, командир яхты и капитан субмарины вели переговоры. Тогда возникали закономерные вопросы: какие и для чего? Когда капитана спросили, как он объяснит такую странность, он ответил буквально:

– Господа, я сам ничего не понимаю. Да, я знал об экспедиции господина Черрика, но я выполнял лишь его приказы. Вы же понимаете, что я не мог этого не делать. Для чего это было нужно, я тоже не знаю. Могу лишь дополнить, что господин Черрик намеревался выходить в море через двое суток после выхода нашей субмарины. Вот и все.

Через несколько дней из Бразилии пришло странное сообщение: во время разведывательных полётов экипаж военного самолета вооружённых сил Бразилии под командованием бригадейро Мираси Боророти севернее острова Тристан-да-Кунья обнаружил странное судно, похожее на океанскую яхту, которое двигалось неестественно для управляемого судна – боком по отношению к курсу.

Срочно был допрошен бригадейро Боророти. Чернявый малый со сплюсненной головой, отчего его уши казались двумя ручками суповой тарелки, пояснил:

– Вы понимаете, я тоже, возможно, не заметил бы этой яхты, но впереди был грозовой фронт, и пришлось под него «подныривать», чтобы не обходить стороной, потому что нам было предписано следовать строго по курсу. Вот тут-то я её и увидел. Высота была небольшая, всего около километра, и потому я ясно рассмотрел это судно с голубыми и красными полосами по белым бортам.

Дознаватель спросил:

– А почему вы обратили на неё внимание, ведь в этом районе проходит много различных судов?

– Да, там были ещё два судна: один сухогруз и два контейнеровоза. Но эта яхта двигалась как-то неестественно, боком, что ли. Такое впечатление, что её сносило течением, и ею никто не управлял.

– Может быть, люди просто заснули?

– Возможно, – пожевав черный ус, ответил бригадейро. – Но, когда я возвращался назад, эта яхта оставалась в том же положении. Это было очень странно.

– Что же здесь странного?

– Яхта очень большая, а на палубе не было ни одного человека, – пояснил летчик и добавил: – К тому же с флагштока был снят флаг государства, которому принадлежит яхта.

К месту обнаружения яхты был направлен фрегат военно-морских сил США. С помощью космических навигационных систем через трое суток яхта была обнаружена. Правда, в весьма неподходящий момент: в межсезонный период смены весны и лета вдруг начались шторма, которые длились по нескольку суток, а потом в штиль на океан и вовсе опустились покрывала туманов, скрывавшие даже очертания самого фрегата, очень крупного морского судна. Боясь столкнуться в тумане с яхтой, капитан корабля приказал осторожно отойти подальше от того места, где могло находиться судно.

Когда задул свежий зюйд-вест, небо очистилось от облаков и засияло приятное, ласкающее весеннее солнце, поиски возобновились вновь. Уже через несколько часов наблюдатель сообщил, что по правому борту видит большое судно, похожее на яхту «Аннушка». Капитан посмотрел в бинокль: да, по всем приметам, это был тот самый корабль, который им надлежало разыскать. Вот голубые и красные стрелки по бортам, скошенная, словно у самолета-истре-

бителя рубка, резко выдающийся нос и высокая мачта радиоантенны. Но как ни прекрасна была яхта, она походила сейчас на мёртвую сказочную царевну, которая не могла обойтись без живительного поцелуя царевича. Ни на палубах, ни на надпалубных постройках, ни в рубке, ни за иллюминаторами не прослеживалось ни одного движения, ни одного признака жизни.

Подойдя кабельтова на два к яхте, капитан приказал встать фрегату на плавучие якоря и спустить две шлюпки. Когда помощник командира корабля Бен Лаузон со своей командой обогнул яхту, то с удивлением не обнаружил ни бортовых, ни кормового шторм-трапов. На месте были даже спасательные шлюпки. Но, если на яхте никого нет, как же команда покинула её? Бен Лаузон приказал одной шлюпке оставаться на плаву, а сам с тремя матросами поднялся на яхту.

«Аннушка» встретила их равнодушной тишиной и легкой бортовой качкой, словно капризная красавица, равнодушно покачивающая плечами в ответ на непристойное предложение кавалера. Все каюты были пусты, всё в них было на местах, но не было ни одной личной вещи экипажа, из чего Бен сделал вывод, что люди, находившиеся на борту, не были захвачены врасплох, что покидали они своё океанское прибежище, по-видимому, сами и добровольно. Не наблюдалось ни следов борьбы, ни поспешности, ни беспорядка. Даже сейчас яхта поражала чистотой, опрятностью и даже какой-то кокетливостью.

Машины были в порядке, в танках было достаточно горючего и смазочных материалов, и потому Лаузон недоумевал, по каким причинам экипаж яхты мог бы покинуть судно. Помещения корабля не были заперты на ключ, да и сами ключи аккуратно висели в сервис-шкафчике. В роскошной каюте самого хозяина помощник капитана обнаружил также полный порядок. В зеркальной стенке спальни, обрамлённой малахитовыми узорами, отражалась роскошная огромная кровать размерами с корт для тенниса. Тут же стоял шахматный столик, расквадраченный розовым и белым мрамором, под которым находились и сами шахматы, сделанные искусным мастером – резчиком из нефрита зеленого и белого цвета. По радиосвязи Лаузон сообщил на корабль, что яхта совершенно пуста, не обнаружено ни одного человека.

Новый информационный взрыв на сей раз потряс не только Америку, но и весь мир. Изголодавшиеся по большим сенсациям газеты, словно голодная стая шакалов вгрызалась в плоть мертвого льва, соревнуясь в предположениях.

«Зюдойче Цайтунг»: «Могущественного американского корабеля похитили его конкуренты? Мистер Николас Черрик исчез вместе со всей командой своей яхты».

«Вашингтон пост»: «Дикий случай с исчезновением одного из самых влиятельных деловых людей Соединенных Штатов Америки. Что это: очередные происки Москвы и Пекина или необъяснимый несчастный случай?»

«Стар»: «Надежный источник сообщает редакции, что господина Николаса Черрика и команду его яхты похитили неизвестные пираты. Именно в то же время и в том же месте, где нашли яхту „Аннушку“, моряки танкера „Престиж“ видели судно неизвестной принадлежности. Правда, непонятно, почему пираты не разграбили богатейшую яхту».

«Сан»: «Одна из предсказательниц сообщила редакции, что ещё несколько месяцев назад в одной из частных встреч она сказала госпоже Черрик, что её мужа ждут большие неприятности. Госпожа Черрик ей не поверила и ничего не заплатила. Теперь она платит за своё недоверие».

«Гардиан»: «Случайно ли личная подводная лодка господина Черрика оказалась в районе Гренландии? Что скрывает капитан субмарины?»

«Коммерсантъ»: «В финансовых и банковских кругах России ходят слухи, что в последнее время участились случаи открытия новых банковских счетов на анонимное имя. Уж не капиталы ли это господина Черрика?»

«Морнинг Стар»: «Не приведёт ли исчезновение мистера Черрика к краху крупнейшей в мире судостроительной компании? Акционеры компании в тревоге, что будет с активами?»

«Жеральд Трибюн»: «Вчера яхта господина Николаса Черрика была прибуксирована в заливе Саут-Ойстера в Нью-Йорке и пришвартована к пирсу. Первым на борт яхты ступил заместитель главного прокурора США господин Вейман. При первом же осмотре обнаружилась первая странность: все шлюпки, надувные плоты и домики, индивидуальные пояса и даже мини-катер на воздушной подушке оказались на месте. При вскрытии личного сейфа господина Черрика обнаружена приличная сумма денег в размере более 20 тысяч долларов. И при чём же здесь пираты, которые, как известно, не брезгают даже грязными носками?»

«Аргументы и факты»: «От кого сбежал наш бывший соотечественник и крупнейший и главный акционер американской судостроительной компании? А главное, куда и как сбежал. Известный российский уфолог Лабазанов утверждает, что господина Черрика и его команду могли похитить только инопланетяне. В печати на протяжении последнего столетия уже не раз сообщалось о странном исчезновении команд с кораблей. Разве это может быть делом рук человека?»

«Дейли Миррор»: «Если господина Черрика не похитили пираты и инопланетяне, если вдруг вся команда не сошла с ума и не утопилась, чему пока нет никакого фактического подтверждения, то не значит ли это, что господин Черрик сам удалился от этого мира, в котором царит сумасшествие? И если это так, то где мог бы мистер Черрик спрятаться: под водой, на необитаемом острове, или в космосе?»

2

Отсюда, из космоса, возникало полное ощущение того, что планета Земля не только двигалась и вращалась, но жила и дышала, вздымая и опуская свою голубую океанскую грудь, извергая из оскаленных ртов вулканов пепел, огонь и раскалённую лаву. Она напоминала двуликого Януса, блестящего белоснежными зальсынами полюсов, и оставалась такой же неразгаданной, таинственной и прекрасной, как и многие тысячелетия спустя, когда человек населил её. Кое-где щетину лесов, горных морщин и складок покрывали белые серебристые облака, похожие на пену на небритых щеках мужчины. Лужицами после первой весенней оттепели свинцовели моря и озёра.

Особенно интересно было наблюдать, как земной день переходил в ночь, а ночь в день. На границах земли и космоса, там, где возникали закаты и рассветы, все становилось таким отчётливым и зримым, что возникало ощущение неестественности, нарисованности. Когда солнце пряталось за земной чашей, на небосклонах вспыхивали яркие, колючие и разноцветные звезды, а сама Земля была окружена ореолом, похожим на полярное сияние.

Вот чернота Вселенной постепенно переходит в серебро облаков, серебро облаков в золото, медь и пурпур заката, затем в зелёный нимб земли, которая сама отсвечивает нежно-голубыми, светло-серыми, серебристыми и жёлтыми тонами. Кажется, что все цвета радуги соединяются в одно целое, переливаясь и переходя друг в друга, затухают, а потом расцветают вновь...

«О, Боже, как божественно прекрасна, нежна и хрупка эта наша маленькая обитель!» – с восторгом подумал Алексей Подноветный, глядя на сорокадюймовый монитор своего компьютера. Он любил часто и подолгу смотреть на землю из космоса в режиме он-лайн, изображение которой передавалось с помощью нескольких спутников в сеть интернета. В такие минуты Алексей забывал о всех земных заботах, суетностях и проблемах.

Он зевнул и улыбнулся, откинулся на спинку своего самооблегающего кресла и, обхватив ладонями затылок, посмотрел на мерцающий, фосфоресцирующий искусственными звездами, планетами и луной потолок. Алексей услышал, как спинка кресла хрустнула, принимая форму его спины, и затихла. Он смотрел на искусственное ночное небо своей квартиры, чувствуя, как сделанные из фосфорических пластин звездочки и планеты – красные, оранжевые, голубые, зеленые, стило-синие – наполняют его душу спокойствием, а уставшее тело дремотой.

– Всё, хватит, – решительно вслух сказал самому себе Алексей, потянулся и взглянул на таймер в углу монитора: время два двадцать семь, пора баиньки.

Алексей снял наушники, повесил их над изголовьем кровати и юркнул под одеяло. Проваляваясь в сон, он услышал слабый зуммер телефона, который тут же прекратился, успел подумать: «Видно, Глафире кто-то звонит. Ну и пусть».

Алексей Подноветный работал редактором, как он сам считал, самого интересного отдела в журнале «Невероятные чудеса и приключения». Работать его пригласил бывший сокурсник по университету Гриша Чёрненький, который и основал этот журнал. Зная пристрастия Алексея к путешествиям, его любознательность и экстремалистский характер, он выдернул его из обоймы другого издания, где Подноветный, словно Кащей Бессмертный, чах над златом экономического мира. Экономическая газета, где он работал, была наводнена занудными чудиками, которые с утра до вечера, да и ночью, следили за курсами мировых валют, за поведением «быков» и «медведей» на биржах, постоянно что-то предсказывали и опровергали. Это было так скучно Алексею, но необходимость поддержания брэнного тела, в котором обитала его трепетная и беспокойная душа, держала его в этой ненавистной газете, как орёл трепетную лань в своих когтях.

Так продолжалось несколько лет, пока он случайно не столкнулся с Гришей Чёрненьким. Произошло это в туристическом клубе «Тантал», где собрались любители горного туризма и спелеологи, обсуждавшие на этот раз спуск в одну из недавно открытых карстовых пещер. Группа, которая успела провести пробный спуск, утверждала, что на уровне минус сто шестьдесят два они обнаружили огромное озеро. При первом же погружении аквалангисты увидели на стенах затопленных скал замечательные изображения древнего человека, относящиеся примерно к 70—80 тысячелетию до новой эры. Это была, конечно, сенсация в научном мире, за которой и пришёл Алексей. Что там рисунки из Альтамирской пещеры в Испании, глиняная фигурка из французской Монтеспани, изображения в пещере фон де Гома или в Костенках, женская статуэтка из Виллендорфа или наскальная роспись в Тассилии, относящиеся к эпохам палеолита или верхнего неолита.

Рассказчик живописал перспективы своего открытия, пока не раздался чей-то зычный голос:

– Все это хорошо, молодой человек, а какие у вас есть доказательства, кроме ваших слов и вашей страсти. Может быть, весь этот словесный понос вам нужен для того, чтобы привлечь спонсоров?

Рассказчик растерянно развёл руками:

– Конечно, доказательств у нас пока нет, у нас даже фотоаппарата для подводной съемки не было, но в следующий раз мы такие доказательства обязательно предъявим.

Но Алексей первооткрывателя уже не слушал, он смотрел на сидящего в первом ряду человека с пышной красной шевелюрой на голове, который задал вопрос. В перерыве он подошел к нему, хлопнул по плечу:

– Привет, Мухомор.

Мужчина сердито обернулся, а потом по его широкой двухподбородочной физиономии растянулась улыбка.

– Алекс, бродячая твоя душа, неужели это ты! – Он потряс его за плечи, отчего у Алексея моментально заныли кости. – Как ты здесь? Не думал встретить. А ведь я тебя искал, звонил, спрашивал – пропал совсем.

– Зачем? – опешил Подноветный.

Рыжий Чёрненький попытался округлить свои коричневые глазки, но они так и остались щелочками.

– Как зачем, потому что ты мне нужен. Пошли, за рюмочкой всё расскажу, на все вопросы отвечу.

Когда в баре им принесли по рюмочке, Гриша пошёл в атаку:

– Ты понимаешь, Лёша, я начал издавать свой журнал.

– Ты, журнал? – недоверчиво спросил Подноветный. – Нумизматический, что ли?

– Ну, нумизматика – это детство, всё давно прошло. А ты помнишь, как мы бродили, путешествовали? Эх, сколько мы всего посмотрели, натерпелись. Помнишь?

Еще бы не помнить... С Гришкой они жили в одном московском дворе. Как и все мальчишки, играли в футбол, в хоккей, лазали по чердакам и подвалам, но постепенно круг их воображаемых приключений расширялся. В десять лет они решили совершить свое первое самостоятельное путешествие по подземной Москве, но диггеры их так шуганули, что они боялись больше подходить к канализационным люкам. Тогда втайне от родителей они собрали рюкзаки и решили пойти пешком в деревню на речку Шерну, где жили Гришкины бабушка и дедушка. Гришка убеждал своего друга, что, если они выйдут пораньше, то уже к вечеру будут в деревне. Оттуда они позвонят родителям, чтобы они не волновались. Ведь на автобусе, говорил Гришка, они добирались до деревни всего за два часа.

В пять часов утра оба друга были уже на ногах, спустились в метро и на первой же электричке прибыли на конечную станцию. Первая часть путешествия показалась им увлекательной и легкой. Они шутили и смеялись в полупустом вагоне. Добравшись до Владимирского шоссе, тронулись в путь. Но уже второй десяток километров их утомил так, что они без сил повалились в прохладу под осины и долго молчали, не в силах вымолвить ни слова. Ноги у обоих ломило так сильно, что невозможно было без боли снять носки. Решили отдохнуть и заодно перекусить, потому что животы начали ощущать внутри полную пустоту. За день им удалось пройти ещё километров тридцать. Заночевали в какой-то деревне в заброшенном сенном сарае у речки. Уснули, как убитые, и проснулись лишь тогда, когда солнце висело высоко над головой. Дальше он не шли, а ковыляли, потому что мускулы болели так, словно в них напихали гвозди. И потому друзья приняли как облегчение, когда их остановила патрульно-постовая машина и предложила подвезти.

Что они попали впросак, друзья поняли только тогда, когда один из милиционеров сообщил куда-то по телефону, что беглецы задержаны и будут привезены в ближайший участок милиции...

– Так ты помнишь? – с гоготом спрашивал Григорий.

– Ещё бы, – с улыбкой ответил Алексей. – После того путешествия и собеседования с родителями я целую неделю на уроках стоял, а не сидел.

– А помнишь золотой Алтай, камчатские сопки, Байкал, горы Кавказа, северные озера, гору Джингитау, Кара-Черу, подводный лабиринт в Испании?

– Да всё помню, – не выдержал Алексей. – С чего это ты в воспоминания ударился.

– Вот с того и ударился, что я открыл новый журнал под названием «Невероятные чудеса и приключения».

– Удивил! Сейчас таких изданий сколько только в России, а?

– Журналов много, а что они публикуют? Из номера в номер эти Нэсси, Бермудские треугольники, чертовы круги на полях, остров Пасхи, НЛО, которых никто не щупал, загадки Гипербореи и Стоундхэнджа. Я же предлагаю самим читателям, путешественникам делиться на страницах журнала своими впечатлениями и открытиями. Понимаешь, не тем, что кто-то и что-то предполагает, не гипотезы, не предположения, не выдумки, а именно реальными открытиями. Ну, конечно, с фактами, фотографиями, видеосъёмками и так далее. К журналу будет прилагаться микродиск и микрочип со всеми материалами журнала, – горячился Гриша, тряся подбородком. – Это же так здорово – журнал с готовым видеорядом. Вставляй в компьютер или в сотовый и смотри, наслаждайся. Ну, как тебе?

Устремив взгляд в зеркальный потолок, Подноветный ответил:

– Да, это действительно интересно. А что, у тебя уже и капиталы есть, чтобы вытянуть такой проект?

– И не только есть, журнал уже выходит, – завопил Черненький.

– Не слышал, не видел, – мрачно произнес Алексей. – Скотина ты, Гришка, такое чудо занывать.

– Да не обижайся ты, водовоз, – смиренно ответил Гриша. – Вышел только первый номер и то пробным тиражом. Мы даже презентацию ещё не проводили.

Григорий распахнул свой кейс, достал оттуда журнал и протянул Алексею:

– На, паразит, критикуй. Только ответь на один вопрос: пойдешь к нам на работу?

– Кем?

– А кем хочешь: моим заместителем, завотделом, редактором, даже корректором. Ну?

– Подумаю, – осторожно ответил Подноветный, внутренне уже ликуя.

Так Алексей и оказался в новой редакции. За последние два года он с разными экспедициями высаживался на айсберг, поднимался на вулканы Южной Америки, дрейфовал в теплом течении Куроисио, «ловил» viento blanco – «белый ветер», срывающийся с обледенелых пиков Аконкагуа, одной из вершин аргентинских Анд, подныривал на подводой лодке под льды Антарктиды, искал следы древней метеоритной бомбардировки в Попигайском кратере Сибири, искал затонувшие корабли около Австралии. Отчёты Алексея Подноветного в новом журнале пользовались у подписчиков огромной популярностью.

3

Эмели Черрик рвала и метала. Эта сорокапятилетняя женщина с лицом старухи, которая уже несколько раз делала пластические операции и которые так и не смогли стереть следы ее любовных побед над мужчинами, плескалась в прохладной воде ванной и по телефону кого-то умоляла:

– Крис, мне обязательно нужно найти эту мелочь на расходы и обязательно через две недели... А разве каких-то полмиллиона – это не мелочь? Но на моём счету осталось всего сорок две тысячи... Что?! – Женщина встала во весь рост в ванной, обнажая свое одряхлевшее тело. – Ты что городишь, Крис, как это мой счет заблокирован? Кем? Не знаешь? Тогда на кой чёрт ты мне нужен, если ты не знаешь таких простых вещей! Так я что же, и трусы себе не могу купить? Ты хам, Крис, мне от тебя ничего не нужно. Одним словом, половинку зелёного лимончика ты мне положи на блюдечко к сроку, Крис. Доставай, где хочешь и как хочешь.

Эмели бросила трубку сотового телефона на подставку, вылезла из ванны и набросила махровый халат на мокрое тело. Выбежав из ванной в свою спальню, крикнула в домофон:

– Лузи! Лузи, где ты, чёрт тебя побери! Лузи, если ты не подойдешь сейчас к домофону, я тебя...

Угроза осталась недосказанной, потому что в динамике раздался взволнованный и запыхавшийся девичий голос:

– Да, мэм, я слушаю.

– Слушает она. Ты где шляешься, почему я тебя не могу дозваться?

– Я... я тут, рядом, мэм, я снимаю шторы, мэм.

– Где Аниэтта?

– Она ушла к подругам, мэм.

– А Питер?

– Он, наверно, как всегда, в своем офисе, мэм.

– Хорошо. Принеси мне мое новое платье и скажи Стефану, чтобы он подал машину ко второму подъезду.

– Хорошо, мэм.

– Да, совсем забыла! Лузи, а журналисты всё ещё у ворот?

– Да, они все ещё здесь.

Сквозь зубы Эмели процедила:

– Чёрт бы их всех побрал. Бешеный русский, куда он только мог запропасться! Вечно со своими приключениями он что-то намудит.

Эмели мало волновала судьба мужа. Любовь к этому странному и красивому, голубоглазому эмигранту из России она испытывала разве что в первые три года замужества, когда темперамент её французских предков диктовал необходимость продолжения рода, но затем муж не без помощи её папочки, тогдашнего совладельца судостроительной кампании Рафаэля Данкерса, стал углубляться в бизнес тестя. Он днями и ночами пропадал на каких-то совещаниях, заседаниях, переговорах, верфях и доках, совсем забыв о молодой тогда ещё жене.

Небольшой заводик по производству яхт, катеров и небольших прогулочных пароходов и паромов незаметно превратился в судостроительную империю, которая строила океанские лайнеры, нефтяные и газовые платформы и подводные лодки по заказу правительства США и частных лиц. Какое-то время, устав от работы, Николас, передоверив дела управления своим менеджерам, старался уделять внимание семье, но духовная связь супругов уже оборвалась, как струны на скрипке Паганини. Но на одной струне, как великий скрипач, Эмели играть не умела, да и не хотела. Её страстная, торопливая натура жаждала жизни сейчас и во всю её мощь.

Постепенно у неё появились поклонники, бой-френды, а затем и просто случайные постельничьи, которые окучивали распускающуюся розу, заброшенную садовником. Николас знал о её похождениях, но от ревностных сцен и, тем более, от разрыва воздерживался, потому что брачный контракт содержал пункт, в котором, в случае измены одного из супругов, указывалось, что всё имущество, движимое и недвижимое, акции предприятия и денежные средства провинившийся супруг теряет. Тридцать лет назад, когда составлялся этот контракт, Николасу и терять-то было нечего, а сейчас ему и вовсе было всё равно, потому что со временем все акции и активы жены были переведены в его управление.

Оттого-то и бесилась Эмели, что сейчас, когда ей очень нужны были деньги, она не могла ими распорядиться. Известие о том, что её муж пропал без вести, её совершенно не тронуло и не взволновало, потому что так бывало уже не раз, когда «чёртов бешенный русский», как она в сердцах обзывала своего мужа, не раз путешествовал и не раз надолго пропадал. Но потом возвращался, и семейная жизнь входила в свою колею. Но сейчас... Сейчас она не могла просто ждать, потому что её Дик пригрозил уйти от неё, если она не исполнит его прихоти.

Когда Эмели вышла из своего дома и по длинной отлогой лестнице спустилась к машине, Стефан, кудрявый и пожилой афроамериканец, вежливо и с поклоном распахнул ей правую дверцу, но Эмели взмахнула рукой и сказала:

– Нет, Стефан, сегодня я поеду сама.

– Мэм?

– Знаю, знаю, Стефан. Но я обещаю, что на этот раз буду очень аккуратна на дороге, так что тебе не придётся мотаться по автосервисам.

– Но, госпожа Эмели, господин Черрик...

– Не бойся, никто тебя не уволит, господину Черрику сейчас не до тебя, по всей видимости, он потерялся в какой-нибудь сельве или в джунглях, и вернётся не очень скоро.

Через полчаса она уже была около роскошного старого особняка в восточном пригороде Нью-Йорка, где она когда-то родилась, и где сейчас жил её отец Рафаэль Данкерс. Пролетя сквозь распахнутые двери, Эмели спросила у слуги:

– Отец дома?

– Да, мэм, он сейчас в своём рабочем кабинете.

Данкерс сидел за длинным рабочим столом, склонив свою лысую голову над какими-то бумагами. Восьмидесятилетний мужчина хорошо владел всеми видами компьютерной техники, но предпочитал работать по старинке, уверяя, что бумага и паркер подстегивают его

мысли лучше, чем самая лучшая электроника. Услышав скрип высокой деревянной двери, он поднял голову, и все морщины, какие были на его лице, собрались в веселую сеточку, словно солнечными лучами окаймляя его рот с припухлыми губами и ещё ясные голубые глаза.

– А, Эмели! Я очень рад тебя видеть. В последнее время ты не очень часто радуешь старика своими появлениями.

Эмели чмокнула отца в щёку и села в кресло.

– Извини, папочка, свою непутевую дочь, но ты же понимаешь...

– Понимаю, понимаю, торопишься жить. Но я тебе уже не раз говорил, дочка, что не нужно торопить жизнь...

Эмели с улыбкой прервала его:

– Да знаю, знаю: не нужно торопить жизнь, нужно успевать делать дела. Но что поделаешь, папа, если я совсем не предприимчивая. По-видимому, я родилась не стряпухой и деловой женщиной, а бабочкой, которая только и может, что порхать, радовать саму себя и других.

– Я согласен, бабочки тоже нужны этому миру, иначе, не было бы равновесия в природе, и земля бы перевернулась. – Он неожиданно посерьезнел, внимательно взглянул на дочь. – Кстати, какие известия о Николасе?

– Папа, ты разве не знаешь, что Ник – чудак, он не раз попадал в разные невероятные ситуации. И пропадал тоже. Вспомни, как он на катамаране разбился об рифы и целых две недели бродил по тропическому лесу, пока не вышел к людям.

– Так-то так, это было, – осторожно ответил отец. – Но сейчас, как мне кажется, всё намного серьезнее. Ведь он пропал не на земле, а посреди океана. Яхту нашли совершенно пустой, на ней не было ни одного человека.

– М... может, они уплыли на другом корабле.

– Зачем, когда яхта совершенно в исправном состоянии, полностью заправлена топливом, на судне полный порядок.

– Может, они уплыли на подводной лодке, – предположила Эмели. – Да какая разница, просто я уверена, что с Ником всё в порядке. Он всегда был таким расчётливым, правильным и... и непотопляемым, что ли. Вот увидишь, через некоторое время он обязательно объявится.

– Дай-то бог, – ответил в задумчивости Рафаэль. – Но мне кажется, что не будет лишним нанять какого-нибудь толкового детектива, чтобы он мог расследовать это странное дело. Эта пустая яхта, странное путешествие подводной лодки неизвестно куда и зачем. И при этом он никак не даёт о себе знать. Странно, очень странно. – Он взглянул на дочь. – Но ты же не за этим ко мне пришла, правильно?

– Папа, мне нужны деньги и очень срочно.

Сенатор удивлённо приподнял густые белые брови.

– Разве у тебя нет своих?

– Есть, но мне не хватает. Когда Ник вернется, мы обязательно тебе возместим.

– Да разве в этом дело. – Отец укоризненно посмотрел на Эмели. – Так сколько тебе надо?

Данкерс встал и уже направился к сейфу, но, услышав цифру, остановился и повернулся к дочери.

– Я не спрашиваю, зачем тебе такая сумма, но, согласишься, что такие деньги под рукой не держат. Даже старые и богатые отцы, – с улыбкой добавил он. – Меньшая сумма тебя не устроит?

По кривой улыбке старик понял, что отступного ждать не стоит.

– Ну, хорошо, я дам распоряжение своему поверенному, чтобы снять такую сумму с моего счёта. Только это будет не так скоро. У меня, видишь ли, тоже случаются материальные затруднения.

– Конечно, папа, – ответила, вставая, Эмели. – Большое спасибо, папа.

Эмели не привыкла делать все чёрные дела, поэтому она позвонила сыну:

– Пит, сыночек, ты не мог бы приехать ко мне домой?

– Вообще-то я очень занят, мама. Что-то случилось?

– Не знаю, как тебе сказать... Впрочем, это по поводу отца. Ты понимаешь, это не телефонный разговор, эти журналюги, они буквально стерегут каждый мой шаг, пытаются что-то выведать, а я сама ничего толком не знаю. Поэтому приезжай через запасной ход, хорошо?

Питер Черрик, двадцатилетний мужчина, в мать чернявый, с коричневыми глазами и смугловатой кожей, отчего его белая рубашка выглядела ослепительно белоснежной, был первым ребёнком в семье. Он уважал отца, который по русской привычке называл его Петей, и недолюбливал свою ветреную мать, которая ни разу не приложила его к своей груди. Возможно, именно потому, что мать его не вскармливала, Питер был к ней равнодушен. Но внешне его чувства никак не проявлялись, с матерью он был всегда вежлив, приветлив и даже сентиментально привязан, возможно, по той простой причине, что она ему когда-то недодала, и он подсознательно ждал этого недоданного.

Сейчас, когда он ехал на встречу с матерью, он вспомнил свой последний разговор с отцом, который приехал в его офис в последний день перед своим путешествием. Отец приехал без звонка, и потому сын как-то сразу растерялся и засуетился:

– Папа, что-то случилось? Да ты садись. Кофе будешь? Ты не предупредил. Мы давно с тобой не виделись. Извини, все дела и дела.

– Да брось ты, Петя, всё нормально, я всё понимаю. – С сыном он всегда говорил по-русски. – Не суетись. Я просто соскучился по тебе, вот и всё. Ты не думаешь припутиться? – спросил он, намекая на женитьбу.

Пётр рассмеялся:

– Все хотят заковать меня в кандалы. С чего бы это? А если честно, то я боюсь нарваться на... на...

– Не договаривай. Мать твоя, хоть и не примерная мать, но все-таки мать, женщина, которая дала тебе жизнь. – Николай улыбнулся. – Не без моего участия, конечно. Ты знаешь, как у нас в России говорят: какая бы мать ни была, а она мать, и дети должны её почитать за святую. Что поделаешь, она так воспитана. Ты помнишь, мы ездили с тобой в Россию?

– Конечно. Там совсем другие люди, особенно в провинции: доброжелательные, светлые, простые, от них так и веет родством, даже если они чужие.

– Вот-вот, там все родные. – Николай вздохнул. – А я к тебе вот по какому поводу: я собираюсь в очередное свое путешествие. Можем долго не увидаться.

– Снова на подлодке к Антарктиде?

– Нет, нет, это совсем другое. Но всякое может случиться. Поэтому я дарю тебе вот эту штучку.

Николай протянул сыну телефонный аппарат. Тот повертел его в руках.

– Обыкновенный аппарат космической связи, что же в нём такого.

– Да, обыкновенной, да не обыкновенной. Через этот аппарат можем связываться только мы с тобой. Понимаешь, только мы вдвоем. Даже не так: только я с тобой.

– Но зачем, папа, что за таинственность и конспирация?

– Так нужно. Пока я объяснить тебе ничего не смогу. Потом как-нибудь. И я попрошу тебя: чтобы со мной ни случилось, никому ничего не говори. Об этом знаем только ты и я.

– Отец, что может с тобой случиться, ты меня пугаешь, ей богу.

– Ну, ты же понимаешь, что любое путешествие, тем более по океану, связано с риском, с большим риском.

Петр недоверчиво, исподлобья посмотрел на отца.

– Ты что-то не договариваешь, отец. На современных кораблях и яхтах пройти кругосветку не сложнее, чем пройти через комнату до ночного горшка.

– И, тем не менее, – твердо сказал отец. Помолчав, он продолжал: – К тому же из всего нашего семейства я могу надеяться только на тебя. Ты единственный самостоятельный, деловой человек, который может принять нужное решение в случае необходимости. Ты сделал большие успехи в бизнесе, сын, – неожиданно добавил он.

– Ну, не такие уж и большие, – поскромничал Петр.

– Скромность качество очень хорошее, сынок, и тем не менее это так. И ещё один совет: не набирай лишнего веса, ни физического, ни финансового. Если чувствуешь, что ожирел, – сбрось его, иначе ты потеряешь подвижность и коммуникабельность. А там и до кресла-каталки недалеко, – с шутливостью добавил он. – И ещё вот что. Ты помнишь квартиру, которую я оборудовал в районе Скотч-Плейнса?

– Конечно, – ответил Питер. – Ты, кажется, затеял какой-то очередной эксперимент. Я же был там.

– Хорошо. Так вот, как только получишь обо мне какие-нибудь неприятные известия, я попрошу тебя приезжать в эту квартиру еженедельно по четвергам в восемь часов вечера.

– Ты меня пугаешь, папа. – Питер недоверчиво посмотрел на отца. – Ты уже сейчас заранее говоришь о каких-то неприятностях. Впрочем, если ты меня об этом просишь, то мне нетрудно.

Прощался с Петром отец на этот раз необычно нежно и сентиментально, на мгновение Петру даже показалось, что на глазах старика мелькнула слёзная росинка, чего он никогда не видел с тех пор, когда они ездили в Россию на похороны отцовской матери и бабушки Петра.

После того как прошли слухи о таинственном исчезновении всего экипажа яхты «Аннушка», Пётр долго думал, тот ли это случай, когда появилась необходимость связи с отцом, но после некоторого размышления решил подождать развития событий.

Сейчас, когда он ехал на встречу с матерью, ему на секунду показалось, что такой момент наступил – уж слишком лихо и стремительно закручивались события, но всё же он решил сначала поговорить с матерью – что-то она скажет ему.

Ещё издали Питер заметил толпу журналистов, дежурящих у главных ворот, засады фотокорреспондентов на балконах и крышах соседних домов, и потому без сомнений свернул на маленькую боковую улочку и припарковался у незаметного обшарпанного подъезда четырехэтажного кирпичного дома. Пётр нажал кнопку звонка и неожиданно услышал сзади клацк фотоаппарата. Оглянулся и увидел перед собой безусородатую морду известного «папарацци» Рио Диксона. На лице его застыла блудливо-насмешливая улыбка. Он спросил:

– В гости, сэр Черрик?

– Какое ваше дело, господин Диксон, – неприветливо ответил Питер. – Ваше место у ворот дома моей матери, не так ли.

– Это как сказать, сэр Черрик. Если эти бараны, – он махнул в сторону, – думают, что подцепят там что-то жареное, то они ошибаются. По моему, жареным пахнет именно от этой двери, где вы сейчас стоите.

– Ну что ж, – спокойно отвернулся Питер, – если вы голодны, то нюхайте, авось, насытитесь.

– А что вы можете сказать, сэр, об исчезновении экипажа вашей яхты?

– Поверьте, Диксон, я знаю об этом даже меньше, чем вы.

В это время дверь открылась и на пороге появилась добродушное лицо Стефана. Он был очень сметлив и сообразителен, этот афроамериканец. Увидев позади Питера известного фотокорреспондента, он сказал:

– Для того чтобы посмотреть вашу машину, сэр Питер, понадобится время, поэтому вы проходите, а я поеду в автосервис. Это не займет много времени.

– Хорошо, Стеф, я подожду. А твоя Джен угостит меня своим пирогом?

– Конечно, сэр.

Питер оглянулся, увидел потухающую блудливость на лице Рио Диксона, постепенно превращающуюся в гримасу, и вошёл в дом.

Потайной подземный ход, о котором знали только члены семьи и несколько слуг дома Черрика, был оборудован лет двадцать назад именно для защиты семейного спокойствия от назойливого любопытства репортеров и излишне любознательных мецан. Им пользовались только в крайне щепетильных случаях, когда иного способа тайно и незаметно проникнуть в дом не было. Строился этот тоннель тоже скрытно, даже рабочие, которые его сооружали, не знали, куда их привозили.

После короткого взаимного приветствия низенькая толстуха Джен подала Питеру ключ и сказала:

– Сэр Питер, со вчерашнего дня около нашего дома крутится какой-то странный тип.

– Я знаю, Джен.

– Он просил войти внутрь, чтобы попить воды.

– И что? – насторожился Питер.

– Я его впустила и угостила водой. Он долго не уходил, разговаривал со мной и долго крутил головой и что-то вынюхивал. Но что можно увидеть в нашей халупе, разве что старый дубовый шкаф.

– Вы сделали всё правильно, Джен, не нужно настораживать этих шпииков от журналистики. А теперь, задерни занавески и открой мне этот шкаф со скелетом.

Пройдя подземным ходом до своего родного дома, Питер оказался в лифте и поднялся на второй этаж. Посмотрев на монитор и убедившись, что, кроме матери, в гостиной никого нет, он вышел из кабины. Увидев его, Эмели лениво махнула рукой, приветствуя его, и показала на место на диване рядом с собой.

– Здравствуй, сын. Ты у меня молодец, нисколько не стареешь, – добавила она, окинув его взглядом снизу доверху.

– Здравствуй, мама. Мне стареть еще рано, да и некогда, все дела и дела, а время будто бы и не движется. Иногда мне кажется, что один год проходит как один день, когда же мне стареть.

– Увы, мне твоя машина времени не подходит, Питер, – вздохнула мать, – я не могу заниматься бизнесом.

Чтобы как-то вернуть мать к сути дела, Питер спросил:

– Что ты хотела мне сказать об отце, мама?

– Ах, да. Ты понимаешь, сынок, я разговаривала с твоим дедом, и он подал мне мысль, что для поисков отца нужно нанять хорошего детектива.

Питер удивлённо приподнял брови.

– Как ты это себе представляешь, Эмели? Если бы папа пропал здесь, в Нью-Йорке, в Америке, в Европе или России, да на любой суше нашей планеты, тогда бы было всё ясно. Но как искать его посреди океана или на каких-то островах, я просто не представляю.

– Ну, я не знаю, как это делается, – отмахнулась мать, – но ведь нужно что-то делать. К тому же с ним пропало много людей.

– Но, мама, для их поисков делается всё возможное, подключены поисковые службы всего мира, авиация, морской флот, космическая разведка, в конце концов. Ты не думай, что я чёрствый, но что ещё можно сделать.

Мать подозрительно взглянула на него и, бросив недокурную сигарету в урну с водой, сказала:

– Что-то ты слишком спокоен, Питер, а ведь пропал твой отец. Ты что-то скрываешь от меня, ты знаешь что-то об отце?

– Мама, ну что ты говоришь, ну что я могу знать об отце, ведь я не всевидящий.

Эмели встала и пошла к зеркалу, бросив через плечо:

– Сынок, ты не одолжишь мне пару миллионов?

Он знал эту её небрежную привычку спрашивать деньги, и это означало, что у мамы возникло очередное увлечение. Он посмотрел на неё, уже оплывшую и состарившуюся, несмотря на пластические и косметические ухищрения, и ему стало её жалко.

– Ты понимаешь, у меня временные финансовые проблемы, у меня почему-то закрыт счёт, пока Крис разберётся, что к чему... – бормотала она.

Она повернула голову, вопросительно, ожидающе и одновременно жалобно глядя на него. Питеру неудобно было отказывать матери, и потому он тоже бормотал:

– Мама, у меня нет таких свободных средств, они все в обороте. А о детективе я обязательно подумаю. У меня есть один знакомый детектив, может быть, он что-нибудь посоветует. Хотя... Ну, ладно, я пойду.

– Всего хорошего, сынок.

4

Алексею Подноветному сегодня позвонил бывший сокурсник по университету, с которым они не раз ходили на сплавы по горным рекам, Данила Агафодров. Звонок застал Алексея в редакции, где он как раз кроил свою страницу по путешествию аквалангистов и спелеологов по стапятидесятикилометровому подводному лабиринту в Мексике.

– Да, редакция, – сказал он рассеянно в трубку, разглядывая на мониторе полосу.

– Привет, бродяга!

Голоса Алексей не узнал и потому спросил:

– Кто это?

– Ну ты даешь, Подноветный. Старых друзей надо узнавать даже через тысячу лет. Не угадаешь, трубку брошу, теряйся тогда в догадках, чёрт с тобой.

Алексей наморщил лоб.

– Дай хоть наводку, незнакомец.

Тот пропел в трубку:

– А мы на реках скачем, словно на коне, мы Азаматы на рысистом скакуне... Ну что, вспомнил?

– Данька, неужели ты? Ты из какой табакерки? Ты, говорят, сейчас медиамагнат, у тебя сеть газет по всей России.

– Слушай, старик, – перебил оды Алексея Данила, – давай-ка мы с тобой где-нибудь встретимся, поговорим и кое-что обсудим, а.

– Значит, ты ко мне всё-таки по делу, а не просто так, – укорил товарища Алексей.

– Да что ты, что ты, какие дела, – попытался успокоить товарища Агафодров. – Дела – это паутина, из которой ты хочешь выпутаться, но никак не можешь. Ну, вот как моя сеть газет, например.

Алексей услышал, как Данила в трубке хихикнул и тяжело вздохнул, и почему-то поверил ему.

– Ну, хорошо, где встречаемся? – спросил Алексей.

– Где угодно, только не дома, не в кафе и не в ресторане, – ошаршил Данила.

– А где же ещё?

– А давай в Губино. Помнишь?

Алексей наморщил лоб, пытаясь вспомнить, где находится это знаменитое село, что-то прокряхтел в трубку.

– Значит, не помнишь, – поставил тяжелый диагноз товарищу Данила. – Ну, шевельни мозгой, вспоминай: второй курс, байдарки, речушка, ссора со сторожем, уха на берегу.

И здесь в голове у Алексея, словно яркий костер, вспыхнуло воспоминание об их совместном походе по подмосковной быстрой речушке, где ему, ещё неоперённому байдарочнику, пришлось несколько раз перевернуться и вверх ногами глотать речную водичку.

– Вспомнил, – ответил Алексей. – А что дальше-то?

- А дальше, – начал, было, Данила, потом остановился и спросил: – Кстати, ты женат?
- Да, два года почти.
- Я её знаю?
- Вряд ли. А ты?
- Что я?
- Сам-то женат?

Послышался смешок и ответ:

– Ты знаешь, бродяга, и сам не знаю. Будто бы живу с ней и будто бы не живу. Понимаешь, некогда заниматься семейной жизнью, бизнес – это такая штука: или работа, или семья – другого не предполагается.

– Одним словом, тяжело тебе живётся, – не преминул подколоть Алексей.

Но Даниланисколько не обиделся:

– Да ладно тебе. В каждом дерьме можно найти целое зёрнышко, птички это знают.

* * *

Губино – большое подмосковное село, где ещё сохранились деревянные аккуратные домики с резными наличниками, ставнями и фронтонами, встретило Алексея криками петухов, запахом живого навоза и чистым воздухом. Когда он проезжал через Виноградово и лесок с высокими корабельными соснами, в душу вползла щемящая тоска, которая всегда охватывает любого русского горожанина, когда он выбирается из каменных лабиринтов и оказывается в провинции. Он пожалел, что с ним не было Глафиры – она тоже любила вот такие метаморфозы души.

Дом из глазурованного кирпича Алексей нашёл без расспросов, среди каменных домов из простого красного и силикатного кирпича и деревянных домиков-теремков он напоминал павлина с распустившимся хвостом среди серых перепелок. Дом Агафодрова сиял яркой разноцветной глазурью, серой мертвечиной пластиковых окон и дверей и красной крышей из профиля. Кованый забор между тесаных каменных столбов не скрывал этой кричащей яркости, но напоминал острог, за которым прячутся невинные и виновные души каторжан.

Алексей нажал кнопку домофона, из которого донеслось рычание:

- Чего надо?
- Мог бы и повежливей, приятель, – ответил Алексей. – Мне нужен Данила Агафодров.
- А ты кто такой?

Внезапно раздался Данькин голос:

– Заезжай, Лёша. Ты извини моего цербера, он, кроме рычания, делать ничего не может.

Подноветный загнал машину на широкий двор, засаженный мелким и низким кустарником, цветами и газонной травой, поставил её под бетонный навес и вышел из салона. Данила уже спускался с лестницы в одних шортах и тапочках на босу ногу. Нет, этот магнат почтинисколько не изменился: всё такой же худощавый, поджарый, словно петух, разве что появились залысины, да одрябла кожа.

Он подбежал к Алексею и обнял его, похлопывая по спине ладонями, сказал:

– Как я тебе рад, бродяга, честное слово рад. – Он отпустил Алексея, взглянул в его лицо. – Честно скажу, я словно в наше студенческое братство вернулся, будто ничего и не изменилось.

– Кроме домика на окраине Губино, где жили твои родители, – подколот Алексей. – Кстати, как они, где они сейчас?

- Как где, здесь же и живут.
- В этом доме?
- В этом доме.

– Насколько я помню, они жили в своей квартире в Виноградове, а здесь был только огород.

– А, вспомнил! – оживился Данила. – Помнишь, как она тебя шуганула, когда ты сорвал одно пёрышко лука.

– А то. Суровая женщина. Она ведь оттаяла только тогда, когда я помог ей накрыть грядки сеткой от грачей, а потом ещё и полить, – засмеялся Алексей.

– Это правда, моя мать в этом отношении очень щепетильный человек, она считает, что есть должен только тот, кто вырастил свою продукцию своими руками.

– А что за дело у тебя? – спросил Алексей. – Ты меня заинтриговал, честное слово.

– Ну вот, – разочарованно протянул Данила, – сразу о делах.

– Ну, прости, Даня.

– Да ладно, сам такой же. Но вот что скажу, о деле мы поговорим в самое неподходящее время, – таинственно прошептал Данила. – А распорядок дня у нас будет такой...

Распорядок дня Подноветному сильно понравился. Сначала за старым, заброшенным садом они копали в навозе червей, готовили рыбацкие снасти, а потом, поближе к вечерней зорьке, поехали к речке, которая протекала от Губино километрах в двух.

Речушка была небольшая, метров десяти в ширину, но с довольно живым и тягучим течением. Остановившись у небольшого обрыва, Данила, выйдя из машины, потянулся, сцепив за головой руки в замок, с видом Наполеона оглядел прибрежную луговину, березово-осиновый лесок вдалеке, хатки дачного посёлка и произнёс с пафосом:

– Вот, бродяга, это моя родина. Люблю, чёрт подери, эти места. Здесь душа и разум отдыхают, словно у материнской груди. Ну, чего стоишь, разворачивай снасти.

Клевало плохо. Водная стремнина топила поплавки, они постоянно прижимались к лопухам, которые свисали над водой, и потому удочки часто приходилось перезакидывать.

– Так мы ничего не поймает, – разочарованно сказал Алексей. – Придётся рыбу на уху покупать вон у тех пацанов.

Он кивнул в сторону мальчишек, которые тоже то и дело махали удочками метрах в ста от них. Данила лишь посмеялся:

– Подожди немного, торопыга, всему своё время. Рыба не дура, она тоже по режиму кушать хочет.

Только Данила произнёс эти слова, как у Алексея поплавок вдруг утонул, поднялся над поверхностью, снова утонул. Он рванул удилище – на солнце сверкнул серебряный лапоть и с плеском упал в воду.

– Вот, чёрт, сорвался, – с досадой воскликнул Алексей.

– Ничего, – со смешком отозвался Данила, – это хорошая примета. Теперь только держись.

И точно: словно по мановению волшебной палочки поплавки сначала осторожно задёргались, потом стали неожиданно тонуть, плыть в разные стороны.

– Вот теперь начался настоящий жор, – воскликнул Данила. – Не зевай и, главное, не торопись, подсекай, когда потащит в сторону.

За полчаса натаскали десятка три лещей, окуней и мелкой рыбёшки. Мелкую рыбу бросили в воду со словами:

– Иди, подрасти, малец, а потом приплывай сюда.

– Ого, – радостно кричал Алексей, вытаскивая садок из воды, – да тут и на тройную уху хватит.

Когда разложили костёр и сварили уху, Алексей, глядя на тонущее солнце, сказал:

– Спасибо, дружище, давно я так не чувствовал себя хорошо. Всё-таки в любом цивилизованном человеке живёт что-то первобытное. Как ни хорошо в городе, а тянет на природу, в пещеру.

– Вот и я о том же, – поддакнул Данила, разливая по чашкам уху. – Давай, давай, не тяни, разливай по стопочке, уха стынет.

– Так о чём ты хотел со мной поговорить? – напомнил Алексей, когда они выпили по рюмке водки и заели её ухой.

– О природе, о пещере, об океане, – отозвался Данила.

– А поподробнее.

Сначала Агафодров помялся, таинственно покачал головой.

– Есть у меня один проектик, с детства о нём мечтал.

– Ну, не томи.

– Хочется сходить по Индийскому океану до Австралии.

– А кто тебе мешает. Садись на лайнер и шпарь до самого Сиднея или Мельбурна.

– Нет, ты меня неправильно понял, – с разочарованием ответил Данила. – Самому сходить, а не в круиз.

– Самому? На чём? Да какие деньги на это нужны.

– Ну, насчёт денег все просто – этого дерьма у меня много.

– Ну, хорошо, деньги у тебя есть, – примирительно сказал Алексей. – А на чем идти хочешь и, главное, с кем?

– С тобой.

– Со мной? – Пауза. – Ты знаешь, я как-то не планировал. Да и Гришка меня не отпустит.

– Какой Гришка? – спросил Данила.

– Да наш, рыженький Чёрненький, какой же ещё.

– Да ты что! Гриня, собственной персоной! Вот не знал. А мы давай и его запряжём.

– Ага, запряжешь его, как сядешь, так и слезешь. Да на него одного надо половину тоннажа.

Вокруг вдруг наступила тишина. Помолчали, слушая затухающий стрёкот кузнечиков. В селе замычала скотина, запели петухи. Данила бросал искосоватые взгляды на Алексея и тоже молчал. Выпили ещё по одной. Наконец, Алексей не выдержал:

– Слушай, Даньк, а на чём пойдём?

Данила расхохотался, упал на спину и заржал:

– А я всё думал, когда же, наконец, разродишься, когда твоя терпелка закончится.

– Чего гогочешь, жеребец. Я серьёзно, а ты...

– Так и я серьёзно. – Данила подсел поближе к Алексею. – У меня в Думьяте есть один друг...

– Думьят, где это? – перебил его Алексей.

– В Египте. Так вот, там у меня есть надежный товарищ, араб. Первоклассный мореход, я тебе скажу. У него есть небольшое предприятие по производству маломерных судов, ну, лодки, катера, яхты и тому подобное.

– Ну и?

– Ну и он строит уже мне судно-гибрид, – отрубил Данила.

– Да брось ты.

– Вот те крест!

– А что за гибрид?

– Катамаран-трансформер, эдакий парусник с двумя двигателями, который может трансформироваться в яхту или катамаран.

– Как это?

– А так: два корпуса то сдвигаются, то раздвигаются. Я, когда проект увидел, просто обалдел.

– Подожди, а что дают такие премудрости, ведь должен же быть какой-то практицизм, – остудил пыл товарища Алексей. – Напридумывать можно разного, а для чего.

– В том-то и дело. Катамаран даёт нам остойчивость при сильном волнении, а превращение катамарана в яхту увеличивает скорость и экономит топливо.

Данила ещё долго и увлечённо объяснял преимущества катамарана перед другими плавсредствами, рассказывал о маршруте плавания и его прелестях. По его словам получалось, что это не плавание по океану, а большая увеселительная прогулка по Суэцкому каналу через озера Тимсах и Большое Горькое, затем по Суэцкому заливу они выйдут в Красное море, а потом через Баб-эль-Мандебский пролив и Аденский залив в Индийский океан.

– Понимаешь, Лёха, – с восторгом рассказывал Данила, – мы побываем там, где зарождались великие цивилизации: в Египте, в Нубийской пустыне, на эфиопских островах Дахлак, в Афахах и Иссах, в Алуле и Могатишо.

– Вот невидаль-то, – прервал товарища Алексей, – я географию тоже изучал и знаю её неплохо, надеюсь. Ты лучше скажи, что мы узнаем нового в этом путешествии, что было бы интересного для читателей нашего журнала. Иначе Гриша меня ни за что не отпустит ни в какие плавания.

– Господи, какие же вы все приземлённые! – воскликнул, взметнув руки, Данила. – Ну кто может знать, что ждёт его впереди. Надо действовать по наполеоновски: сначала ввязаться в драку, а там...

– ...а там пойти на дно, – закончил фразу Подноветный.

– Ну вот, – разочарованно протянул Данила, – я думал, что нашёл товарища по духу, я думал, что ты заражён вирусом авантюризма, а ты...

– Да ладно, ладно тебе, – примирительно засмеялся Алексей. – Да заражён, заражён я твоим вирусом. Только, понимаешь, к таким экстремальным путешествиям всегда нужно основательно готовиться. Ты хоть понимаешь, почему я до сих пор жив? Потому что я всегда основательно готовлюсь: хоть к спускам в пещеру, хоть к полёту на дельтаплане с горы, хоть к сплаву по рекам, даже к спуску на лифте, когда иду на работу. Потому-то я до сих пор и жив. Ты понимаешь, я уже потерял одного товарища на горе Джингитау и мне не хочется повторять этот горький опыт.

– Я тебя понял, Лёша, – вполне серьёзно ответил Агафодров. – Мне, сам понимаешь, тоже не хочется ко дну, я не самоубийца. Так что будем думать, делать, совершенствовать.

5

Питер Черрик после разговора с матерью долго размышлял, что делать. С одной стороны, пропажа отца его не сильно беспокоила, ведь тот сам его предупредил, что возможны неординарные, форсмажорные ситуации, даже оставил на всякий случай телефон космической связи. Но совет деда и матери нанять хорошего сыщика он игнорировать не мог, это было бы подозрительно. Частных сыскных агентств в Нью-Йорке было так много, что они занимали десятки страниц рекламных изданий. Можно ли доверяться тем, которые больше привыкли пролёживать под кроватями неверных супругов или разыскивать любимцев-животных у тоскующих, одиноких пенсионеров?

Правда, был у него знакомый детектив, который занимался более серьёзными делами – поисками угнанных автомобилей и яхт, крупными кражами, поисками банковских должников, но из-за того, что тот был в вечном поиске сладостей вина, Питер мало ему доверял. Он так и находился бы в долгих и мучительных размышлениях, если бы ему не позвонила сестра. Звонок застал его, когда он летел на чартерном самолете во Фриско, чтобы присутствовать при сдаче очередному заказчику экспериментального речного экраноплана.

– Привет, Аня, – приветствовал он её по-русски.

– Привет, Питер, – отозвалась она на английском.

– Слушай, сестренка, ты определись, в конце концов, ты русская или американка.

На том конце послышался смех и её примирительное щебетание:

– Хорошо, Петя, по отцу я русская, по матери американка...

– А по деду ещё и француженка, – добавил Петр. – Чего звонишь?

– Как там папа, известия какие-нибудь есть?

– Ничего нового.

– Ясно. – Питер слышал, как сестра тяжело вздохнула. – В газетах пишут такие гадости...

– А ты не читай.

– Разве это возможно сделать? Ладно. Мне нужна твоя помощь.

– Снова? Ты же у меня такая мудрая, романы уже пишешь, а у меня советы спрашиваешь. Я в жизни ничего не понимаю, вот в технике – это другое дело.

Аниэтта была младше Питера на шесть лет, училась в филологическом колледже и теперь вплотную занялась литературством. Сначала она, как и все современные продвинутые молодые люди, ничего не хотела и слышать о книгоиздании, писала небольшие фантастические рассказы и размещала их на своем сайте в интернете, но потом поняла, что чтение на экране – это одно и то же, что принятие пищи через трубочку: питательно, но совершенно безвкусно, нелогично и неэстетично.

Её желание стать известным и популярным литератором скрадывалось недостатком жизненного и книгочного опыта, и потому она частенько прибегала к услугам старшего брата, как к консультанту. Брат очень любил Аниэтту и потому никогда не отказывал в помощи. Он любил её за легкость и предсказуемость характера, за ту твердость, которую она проявляла в достижении своей цели. Маленькая книжечка её рассказов уже вышла в одном из издательств, но успех, на который рассчитывала сестра, она Аниэтте не принесла. И тогда она ещё ретивее принялась за своё дело, и за эту настойчивость Питер обожал сестрицу ещё больше. И вот сейчас она снова спрашивала у него совета.

– Так в чём дело, Аннушка? – спрашивал Питер. – Тебе снова нужен рецепт ежевичного варенья?

– Нет, нет, Петруша. Варенье я и сама научилась варить.

– Сама?! Не может быть, – усомнился с шутливостью в голосе брат.

– Тебе всё шутки, а у меня сюжет не продвигается, – укорила брата Аниэтта.

– Хорошо, я весь внимание.

– Ты понимаешь, мой герой заблудился в лесу, а там нет воды, и мне приходится заставлять умирать его от жажды.

– Почему же в лесу, пусть он умирает в пустыне.

– Там, где проходит действие, пустыни нет.

– Сестричка, это же элементарно: в лесу нельзя умереть от жажды. В лесу обязательно есть вода в том или ином виде, лес без влаги расти не может. Там есть или роса или хотя бы маленький ручеек, в конце концов, каждое дерево даёт плоды или сок, только необходимо знать, ядовитый он или годный к употреблению. Я же тебе давно говорил, что нужно было не сидеть сутками в интернете, а читать книги.

– Ах, теперь-то я это поняла. Я буду навёрстывать, обещаю тебе. И спасибо.

– Нет, Анюта, одним спасибом ты на этот раз не отделаешься. Как ни странно, мне тоже нужна помощь.

– От меня? – удивилась сестра.

– Именно от тебя.

– Рада буду отплатить благодарностью... Если, конечно...

– У тебя есть на примете хороший сыщик?

– Ты имеешь в виду копа?

– Нет, нет, именно частный сыщик.

– Ага, понимаю. Это для поисков отца? Я не думаю, что дело дошло до такой степени. Ведь ты же знаешь, что отец не раз попадал в трудные ситуации. А впрочем... У меня много таких знакомых, Петя, но подойдет, пожалуй, только один. Он не как все, он любит раскручивать крутые, необычные дела. Правда, у него не всегда это получается, но... Ты помнишь запутанное дело трёх отравленных женщин, которые воспитывали приёмных детей?

– Да, что-то припоминаю, – подумав, ответил Питер.

– Так вот, полиция не могла его раскрыть, а он это сделал. Представляешь? Оказывается, их отравил не маньяк, а обыкновенные собаки.

– Собаки? Ну-ка, разъясни.

– Дело в том, что все приёмные дети были слепыми, и у них были собаки-поводыри. Все эти семьи жили у заброшенного аптечного склада, а когда дети выходили на улицу, на поводках оставался яд из разбитых ампул. Когда дети приходили домой, матери отстегивали поводки, и у них на руках оставался этот яд, вот и всё.

– Понятно, – без особого энтузиазма отозвался Питер. – Давай на всякий случай телефон этого Пинкертона.

* * *

Пинкертона звали Шелли Бёрн, но Питеру он представился гораздо короче:

– Шелл. – И протянул сухую руку.

– Садитесь, Шелл, – показал на стул Питер и стал излагать суть дела.

Бёрн не перебивал, внимательно глядя на собеседника и крутя между пальцами чёрную авторучку. При этом твердый корпус авторучки издавал мелодичный звон, когда соприкасался с массивным перстнем из какого-то зелёного камня на его среднем пальце. Закончив рассказ, Питер внимательно рассматривал своего молчаливого собеседника, который после всего изложенного тупо уставился на полированную плоскость рабочего стола. Бёрн напоминал Питеру хищного поджарого орла с почти треугольным носом, который высматривает внизу свою добычу. Наконец, «орёл» встрепенулся и, подняв глаза, соизволил подать гортанный голос:

– Я знаком с этой странной историей, господин Черрик...

– Зовите меня просто Питер, – вежливо прервал его хозяин.

– Хорошо. Так вот, я знаком с этой загадочной историей с исчезновением вашего отца. Кое-что мне рассказывала Анни, многое читал в газетах, знакомился с этим делом по интернету. Я много над этим думал. И у меня создалось впечатление, что весь этот антураж с походом вашей подводной лодки, покиданием яхты – не более чем отвлекающий маневр. Такое впечатление, что ваш отец сознательно всё это создал.

– Вы так думаете?

– Конечно. Такое впечатление, что господин Черрик специально решил отдалиться от людей. Ну подумайте, зачем ему посылать подводную лодку к чёрту на кулички, чуть ли не к Северному полюсу, а самому через несколько дней очутиться в другом полушарии и загадочно исчезнуть, а?

– Но зачем ему это было нужно? – снова удивлённо спросил Питер.

– Не знаю. Но я повторяю, что это он мог сделать сознательно. Вряд ли виновны здесь мистические и космические силы или пираты, как пишут в газетах. А если так, то не мог же ваш отец улететь на Луну да ещё со всем экипажем яхты. – Шелл насмешливо посмотрел на Питера. – А это значит, что он где-то на земле. Скажите, а с ним случалось такое раньше?

– Да, и очень часто, – подтвердил Питер.

– И как же он это объяснял?

Питер развел руки, потом закурил сигарету и предложил гостю. Когда тот вежливо отказался, объяснив, что не пристрастен к этой пагубной привычке, Питер ответил:

– Отец не любил распространяться об этом. Он всегда отшучивался, что его брали в плен какие-нибудь австралийские аборигены, что он заблудился в лесах сельвы или у подводной лодки отказал двигатель, и они сидели целых две недели под толщей океанской воды. Ну, и всё в таком духе. Мы и верили, и не верили. Мы только смеялись над его приключениями, а он будто специально обращал всё это в шутку.

– Понятно. А скажите, в свои походы он всегда брал одних и тех же людей или он каждый раз набирал новые команды?

– Я об этом не задумывался, – подперев свой тяжёлый подбородок, ответил Питер. – Но как-то заметил одну странность.

– Какую же? – оживился Бёрн, снова закрутив между пальцами ручку.

– Как-то мне пришлось встречать его на нашем причале после очередного похода. Он просто позвонил и сказал, что очень устал и не может вести машину, попросил, чтобы я за ним приехал. Мне эта просьба показалась тогда странной, потому что он мог вызвать шофера из нашего гаража или нанять воздушное такси, но он почему-то вызвал меня. Я так и сделал. Мне приходилось раньше встречать отца из морских походов, но тогда возле прежней нашей яхты, где экипаж был намного меньше, всегда царило столпотворение. Дети, жёны моряков, просто знакомые встречали путешественников со слезами радости, с обниманиями и поцелуями. Вобщем, со всеми теми приметами, когда люди встречаются после долгой разлуки. А в этот раз с борта сошли человек восемь, не больше. В их числе был и мой отец, исхудавший, обросший и, действительно, очень уставший. Когда я спросил его, что случилось, он только отмахнулся, буркнул про какой-то шторм, который измотал их до предела. И мы поехали домой.

– И в чём же здесь странность? – спросил Бёрн.

– Как в чём? Экипаж был явно неполным – это первое. Второе, никаких штормов за последние дни у восточного побережья Америки не было.

– Это точно?

– Так же точно, как мы сидим сейчас и беседуем, – с усмешкой ответил Питер. – Потому что двумя днями раньше, в выходные дни, я с моими друзьями летал на Барбадос на отдых. Была прекрасная погода, и мы тогда славно провели время. Ну, вы понимаете.

Шелл снова на минуту-другую задумался, не забыв при этом покрутить ручку между пальцами, потом ответил:

– Возможно, часть экипажа сошла где-то в другом месте.

– Может быть, надо просто проверить судовой журнал.

– А вы не интересовались у отца, куда они ходили?

Питер снова усмехнулся:

– Это было невозможно. Отец никогда никому не говорил и ни с кем детально не обсуждал свои походы и приключения.

– Интересно, очень интересно, – пробормотал Шелл, потом неожиданно спросил: – Вы действительно хотите меня нанять для поисков вашего отца?

– Да, конечно, этого хочу не только я, но и моя мать.

– Хорошо, договор мы составим завтра, – сказал Бёрн, уже вставая с кресла. Но неожиданно он снова сел. – Может быть, вам известно что-то ещё, что нас интересует?

Питер на минуту задумался: «А не сказать ли ему про телефон космической связи? Нет, нет, отец строго наказал, что его можно использовать только в самых крайних случаях. Но когда он наступит, этот самый крайний случай, тоже неизвестно. Бывало, отец исчезал на целых полгода, а потом появлялся снова. На этот раз прошла лишь неделя. Нет, говорить пока рано». Вслух же он ответил:

– Как будто больше ничего неизвестно. Правда, я ломаю голову, мистер Бёрн, как вы будете расследовать это дело, сидя на берегу, ведь отец пропал в океане?

– Вы уверены, что в океане? – огорошил Питера Шелл.

– Конечно, ведь яхту нашли в Атлантике.

– Возможно, – осторожно выдавил из себя Бёрн, – но человек – не рыба, он не может жить в воде, посреди океана. И если ваш отец и его люди живы (я надеюсь, что это так), то они должны быть на суше. А если это так, то мы его обязательно найдём. Если я не ошибаюсь,

на нашей планете не осталось ни одного неоткрытого сантиметра суши, во всяком случае, так утверждают географы. Поверьте моему опыту, даже прошлогодняя травинка оставляет свой след, а такое деятельное существо, как человек, тем более. К тому же, при современных средствах коммуникации, сыщику не обязательно даже выходить из дома, любые известия и новости можно узнать из интернета, из радио, телевидения, газет. Нужно только правильно сопоставлять и анализировать факты...

«Слишком самонадеян, – подумал Питер, когда сыщик ушёл. – Но это и хорошо, без самонадеянности и здорового апломба нельзя приниматься за дело. А как он тонко почувствовал, что я ему что-то не договариваю. Ладно, посмотрим, что он будет предпринимать».

6

Глафира металась по комнате и, стуча кулачком правой руки по раскрытой левой ладони, кричала:

– Ну, почему ты такой эгоист, Лёшка, почему? Почему тебе можно в это путешествие, а мне нельзя?

– Да пойми ты, женушка дорогая, – отшучивался Подноветный, – нельзя класть все яйца в одну корзину, ведь если её уронить, то разобьются все яйца. А я не хочу, чтобы наш славный род Подноветных в случае неординарных событий пресёкся.

Жена Подноветного схватила диванную подушку и метнула её в мужа.

– Гад ты, Лёшка.

– Конечно, гад, – легко согласился Алексей, – ведь я тихо, исподволь вполз в твою душу, в твоё сердце и отравил их ядом любви.

Алексей захохотал и скатился с дивана на пушистый золотистый ковер.

– Слушай, Лёш, давай поговорим серьезно, – заворковала Глаша, садясь на диван. – Давай, садись рядом со мной. Вот так. Прижмись ко мне. Так хорошо! Ты же знал, что у меня плановый отпуск?

– Ну, знал.

– Я что, в наших походах когда-нибудь была балластом?

– Я так бы не сказал. Ты была прекрасным поплавком, особенно когда мы вдвоем оставались в палатке, – всё еще отшучивался Алексей.

– Мы ходили с тобой по Байкалу, по Черному морю, мы сплавились с тобой по алтайским прыгунам, а ведь это пятый уровень сложности, мы...

Алексей прервал ее:

– Даже наш великий Байкал – лужа по сравнению с океаном. Неужели ты этого не понимаешь. – Он прижался головой к её животу. – А как будет чувствовать себя наш маленький, когда ты выйдешь в море, а? Ведь он захлебнется от блевотины.

– Но ему всего месяц, это всего лишь эмбрион, Лёша, а плавание продлится все-то месяц-полтора.

– Ну, так по плану, – неохотно отозвался Подноветный. – А сколько оно может продлиться на самом деле, одному Богу известно.

– Вот видишь, всего два, ну, пусть три месяца. Итого нашему наследнику будет всего четыре месяца, когда мы вернёмся домой.

Алексей задумался, подыскивая ещё предлоги, чтобы отговорить Глашку от её авантюры.

– А как же ваша фирма «Терратур»? Она без тебя не пропадёт? Ведь сейчас бархатный сезон наступает. Я не понимаю, почему тебя шеф отпускает в самое горячее время.

– Во-первых, – Глаша стала разжимать пальцы правого кулачка, – я не была в отпуске целых два года; во-вторых, наша Маша расширяет штат, и сейчас у нас проходят стажировку и обучение три молодых ведьмы, которые так и метят на моё место; в третьих, если шефица узнает о моей беременности сейчас, она просто выкинет меня из турбюро; в четвёртых, мы

за эти годы так надоели друг другу, что она с удовольствием даст мне ещё два месяца неоплачиваемого отпуска. Ну, как, убедила?

С Глашкой, озорной и очень красивой девчонкой с зелеными глазами, Алексей познакомился в одной туристической секции, когда он подбирал в группу двоих «плотников» вместо выбывших друзей по университету, которые неожиданно решили перейти в другую группу, чтобы сплавиться на реке шестой категории. Алексей долго отговаривал их, доказывая, что очень опасно переходить из третьей группы сложности в самую высшую категорию, но они закусили удила. В этой секции Подноветный и обратил внимание на рыженькую девчонку, которая пыталась сколотить самостоятельную группу для похода на Памир. Тогда-то к ней и подошёл Алексей, спросил:

– А меня возьмете?

Девчонка оглядела Алексея сверху донизу и ехидно заметила:

– Новички мне не нужны.

– А откуда вы знаете, что я новичок, может быть, я ас по восхождению на пики, может быть, я покорила и Джомолунгму, и Эверест, и...

Девчонка ехидно ответила:

– Я смотрю, вы покоритель других вершин, женских. – И гордо отошла.

Но через неделю она подошла сама, поздоровавшись, виновато сказала:

– Вы извините, Алексей, я не знала, что вы экстремал со стажем.

– Ну, это известное заблуждение новичков, которые встречают человека по одежке.

Глафира смутилась, пробормотала извинения, но Алексей только рассмеялся и сделал предложение:

– А давайте в нашу группу.

– Так вы тоже высотник?

– Ну, вообще-то я, скажем так, специалист широкого профиля, одним словом, и высотник тоже, только круче.

– Это как? – удивилась Глаша.

– А так, мы тоже поднимаемся в гору, а потом быстренько, быстренько спускаемся с неё.

– На парапланах или дельтапланах, что ли?

– Нет, на плотах, по речке. Мы рафторы.

Глафира округлила свои круглые, словно заросшие зелёной ряской озера, глаза и согласилась:

– Действительно, это очень круто. Сплавиться по горной речке на плоту я ещё не пробовала.

– Так, может, стоит это сделать нам вместе, – предложил Алексей, и Глаша согласилась.

...И вот теперь его жена снова просилась в поход. Алексей был бы, конечно не против, потому что более верного и надёжного товарища он и не желал бы, но долгожданная новость, что он скоро станет отцом, беспокойство за будущего ребёнка заставляли его сомневаться. Да и как отнесётся к женщине на борту Данила.

Данила почему-то этому даже обрадовался:

– Да это же чудесно, бродяга ты эдакий! Женщина на борту – это, может быть, и плохая примета, но мы же не моряки, а просто морские путешественники. Представь, мы плывём по океану, кругом одна вода и три бородатые мужицкие морды, а тут среди них эдакий женский бриллиант, который скрашивает их тоскливое существование...

– Ну-ну, – грозно прорычал Алексей, – раздул губы-то. Ты забыл, что это моя жена?

– Да нет, ты что, Лёшка, я же не в этом смысле.

– Ну, ладно, проехали. Ты лучше скажи, как наш ковчег, готов?

– Да, полностью, – оживился Агафодров. – Ты представляешь, мерседесовский дизель, тончайшие синтетические паруса, сделанные по нан-технологии, которым не страшны ни солё-

ная вода, ни огонь, мачты из титана, две каюты, отдельная рубка, водоизмещение почти сорок тонн. Ну, как?

– Водоизмещение впечатляет, – сухо ответил Подноветный. – А как с бытом, оснащением, средствами спасения?

– Всё окей, старик! Две спасательные надувные шлюпки, спасжилеты со всем необходимым, чтобы выжить целую неделю, навигационный прибор ГЛОНАСС, кухня, продукты, сжиженный газ, медикаменты. Всё, как у космонавтов. А скорость какая! Нет, на парусах, конечно, ни от кого не убежишь, но зато когда наше судно превращается в катер, он бежит по волнам, как гепард по суше. Тут уж мы короли. Так что, будем живы – выплывем, – восторгался Данила.

– Ладно, посмотрим, что за чудо там тебе построили, – сухо согласился Алексей. – Но без разрешения редактора, сам понимаешь, я и в туалет ни ногой.

– Так, давай, отпрашивайся, заболей, пропади на месячишко. Придумай что-нибудь для своего бога, чтобы он тебя отпустил, – подзадоривал Агафодров.

На самом деле Гриша Чёрненький, главный редактор и шеф журнала «Невероятные чудеса и приключения», был ржжим и не соответствовал своей уменьшительной фамилии. В его костюме могли вместиться два таких мужика, как Алексей Подноветный, или три девушки-манекенщицы. Когда в его кабинет вошёл Алексей, Гриша лишь на секунду приподнял свой соломенный кудрявый стог от гранок на столе и показал на стул. При малейшем движении его руки с авторучкой в момент правки его студенистое тело колыхалось, словно наполненный водой шар. Что самое удивительное, Гриша никогда не потел и в самые знойные дни не снимал пиджака. Гриша был аскет по интерьеру, в его кабинете не было ничего лишнего, лишь рабочий стол, сбоку, в углу, компьютер с набором необходимых аксессуаров, голые стены с голубыми обоями, и несколько стульев.

Вот Гриша сделал последнюю правку, последний раз колыхнулся и маленькими глазками просверлил своего сотрудника. Женоподобным голосом спросил:

– С чем пришёл: от дела лытать или дело пытаться?

– И то, и другое, – спокойно ответил Алексей.

Гриша лишь недоверчиво причмокнул мясистыми розовыми губами и крикнул:

– Соня!

В кабинет влетела тоненькая курьерша.

– Я здесь, Григорий Давидович.

– Отнеси в корректорскую.

Курьерша схватила гранки, повернулась, не забыв выпятить попу в брючках, и со свёрнутой набок головой вышла из кабинета.

– Выкладывай, – пропел Гриша, стукнув ручкой по столу.

– Образуется одна интересная поездочка, – осторожно начал Алексей, но, увидев, как Гриша недовольно пожевал губами, опередил его возражения: – Во первых, почти никаких затрат, во-вторых, я не был в отпуске почти два года, в третьих, ты, наконец-то, от меня отдохнёшь, в четвёртых, может получиться неплохой материал. Как говорится, четыре в одном.

– Не жуй мне мозги, Лёша, расшифровывай, – недовольно профальцетировал рыжий Чёрненький.

– Мой друг детства построил яхту, зовёт меня прокатиться по Индийскому океану от Египта до Австралии. Так что твои затраты – только командировочные на месяц.

Редактор откинулся на спинку массивного, заказного кресла, отчего та жалобно и болезненно заворчала. Чёрненький откинул голову, закрыл глаза и надолго замолчал. Алексей знал, что таким образом шеф подсчитывает все финансовые потери и дивиденды. Вот он открыл норки коричневых глаз, спросил:

– И ты надеешься за месяц управиться?

– Само собой.

– Хорошо, но с условием, что если ты вернёшься хоть на один день позже, я вычту с каждого твоего последующего рабочего дня в двойном размере, – пригрозил Гриша.

– Укалякал, шеф, – согласился Алексей. – Но с условием, что если я привезу материал, который поднимет тираж нашего журнала, то ты заплатишь мне двойной гонорар.

– А ты сначала привези, – грозно пропищал Гриша. – А потом удвой тираж. Удвойщик! Правда, я не понимаю, что интересного ты можешь привезти из Египта или из Австралии, про них уже всё писано-переписано, как про наше родное Подмосковье. Но командировочных не выпишу!

– Жлоб, – прошипел Алексей и встал со стула. Он уже подходил к двери, когда услышал, как Гриша по внутренней связи пропищал:

– Алевтина Викторовна, оформите отпуск Подноветному на месяц и выпишите командировку в Египет.

– Хорошо, Григорий Давидович, – услышал Подноветный голос бухгалтерши.

Алексей повернулся, сделал умильное лицо и поклонился.

– Мерси, шеф.

– Иди к чёрту! – неожиданно побасовевшим голосом рявкнул Гриша. – Да, и семь футов под килем.

– Лучше бы поглубже, – ответил Алексей. – Надеюсь, до скорой встречи.

* * *

Аэропорт Каира встретил их зноем Аравийской пустыни и влагой могучего Нила. В микроклимате салона «Боинга» Глафира чувствовала себя как рыба в воде, хотя было и душновато, но когда они спустились по трапу на раскалённую бетонную полосу, она вдруг вся покрылась испариной и побледнела.

– Тебе плохо, Глашка? – спросил муж.

– Нет, нет, ты не беспокойся, – поспешила успокоить его жена, – это просто от перемены климата, со мной такое бывает.

«Перемена» была, что называется, налицо, но Алексей успокоил себя тем, что в случае ухудшения самочувствия жены он успеет отправить её назад, домой, под наблюдение тёщи. Слава богу, что их встретил агент Данилы на своем микроавтобусе, в котором был кондиционер, и потому Глафира сразу повеселела и стала по-женски шутить, что де, мол, вот она, женщина среди мужчин, как роза среди пустынных колючек. Но агенту было некогда слушать эту болтовню, потому что он ехал по шоссе, как экстремал на треке, пытаясь увернуться от бешеных арабских водителей, которые словно соревновались в том, кто от кого первым увернётся. Данила спал, уронив голову на боковое стекло, а Алексей мечтал о свежем, прохладном душе, комнате с кондиционером и кровати с чистой простыней.

До Думьята они добрались уже к вечеру, и каждый исполнил свою мечту: Алексей помылся под душем и упал на кровать, тут же заснув, Глафира, как ни странно, ещё успела полюбоваться с балкона восточным закатом огромного солнца, а Данила, выспавшийся за дорогу, тут же умчался к своему арабскому компаньону, наказав перед отъездом:

– Вы тут, детишки, без меня не шалите, никуда не выходите, а то, не дай бог, заблудитесь, а то и ещё хуже.

– А чего хуже-то? – спросила Глафира.

– А тебя украсть могут, как прекрасную розу, и поместить в гарем.

– Правда? – обрадовалась Глафира и томно потянулась. – Всю жизнь об этом мечтала, чтоб меня похитил прекрасный восточный принц и поместил в свой великолепный гарем.

7

Сухогруз «Дурбан» шёл из южно-африканского порта Ист-Лондон на левом траверзе от островов Кента. После суточного шторма команда судна отдыхала. Капитан сухогруза Фриц Норман, прошедший на ногах почти двое суток и «принявший на корму» бутылку любимого

мускатного вина, спал беспокойно. Беспокойство его объяснялось не тревогой за команду и за своего помощника, который сейчас стоял на вахте и которому он доверял как самому себе, а оттого, что в последние полгода его преследовало странное видение, от которого его сознание не могло отвязаться. Будто посреди океана, посреди самой водной пустыни, вдруг возникал зелёный остров и так же неожиданно исчезал. Старый морской волк, проходивший по морям и океанам почти двадцать лет, Норман знал, что на этом курсе нет и не могло быть никаких, даже самых маленьких, островов. Но...

Однажды, когда океан спал под звёздным одеялом ночи, Фриц вышел на палубу подышать прохладным морским воздухом. Он любил смотреть на ясные, такие близкие звёзды, что хотелось протянуть к ним руку и потрогать их колючки, а затем протереть мутное зеркало полной луны. Именно за это он и любил океан: здесь, вдали от света цивилизации, мир был совсем иным, таким близким и родственным, что он ощущал себя с ним одним целым, а душа будто порхала над всем миром, насыщаясь его спокойствием, нетленностью, чистотой, нетронутостью и мудростью. Там, на земле, в городах и на дорогах, Норман чувствовал себя песчинкой в людской пустыне, которую бросало из стороны в сторону против его воли. Искусственные, созданные человеком звуки, свет, жилища, запахи и даже чувства раздражали его, словно подопытное животное, которое пытаются электрическим током, чтобы определить его рефлекс.

Правда, наслаждение одиночеством к Фрицу пришло не сразу, а только после того как Линда, его любимая жена, с которой они прожили почти шесть лет, стала вдруг чуждаться его и чахнуть. На все его расспросы о причине такого изменения, она неизменно отвечала:

– Пойми, Фриц, я очень люблю тебя, но иногда самое лучшее, что необходимо для любимого человека, – это не знать.

Вскоре после этого разговора Норман ушёл в очередное плавание, а спустя неделю после плавания ему по радиосвязи сообщили, что Линду нашли мёртвой далеко в море, куда она заплыла на прогулочном катере, взятом напрокат. Что случилось в море, никто не знал, но всё объяснилось, когда он из ближайшего порта вылетел в ЮАР, чтобы попытаться выяснить эту причину. Паталогоанатом, который делал вскрытие тела Линды, после долгих уговоров сказал ему, что его жена просто утонула, а после трёх порций текилы признался, что она была заражена вирусом иммунодефицита. Когда Фриц спросил, почему она это сделала, паталогоанатом взглянул на него, как на ребёнка, и ответил:

– Фриц, неужели ты не понимаешь, что болезнь можно вылечить, а душу никогда. Видно, она тебя сильно любила и не хотела, чтобы ты об этом узнал при её жизни.

Пожалуй, впервые в жизни Норман так долго и горько плакал. Он долго корил себя, что так и не допытался у Линды об её проблеме, он был почему-то уверен, что простил бы её и никогда не напоминал бы ей об этом, потому что хорошо знал, как тяжело бывает женам моряков ждать их из плавания и оставаться им верными. В дальних краях, в тех портовых городах, где приходилось подолгу оставаться на берегу, Фриц и сам пользовался услугами женщин, которые в отсутствие своих мужей становились портовыми шлюхами, но своей Линде он всегда верил, потому что перед каждым плаванием, провожая его, она неизменно говорила: «Фриц, милый, я всегда буду верна тебе, помни это. Если будут что-то говорить неллицеприятное обо мне другие или даже я сама, не верь этому. Я только для тебя, Фриц, только для тебя, любимый...» И она осталась верна своему слову, только по-своему – уйдя от него, не замавав его.

С тех пор Норман больше не помышлял связать себя узами брака и даже обещаниями слова. Но с тех пор изменился и его характер, из весёлого, словоохотливого и пышущего здоровьем, с лучезарной улыбкой моряка он превратился в задумчивого, молчаливого, сурового человека, предпочитающего одиночество и предающегося мечтаниям. Вот и в этот день, когда его душе потребовалось одиночество, уже ночью Норман вышел на палубу, закурил свой любимый «кент» и уставился на еле заметный кольшущийся горизонт, оттенённый слабым лунным светом. Он ни о чем не думал, а просто созерцал, давая мыслям отдых после очередной вахты.

В какой-то момент ему показалось, что на юге показались очертания какого-то острова. Эти очертания то появлялись, то исчезали вновь. Но Норман точно знал, что на этом траверзе не могло быть никакого острова. Может быть, это было какое-то крупное судно, например, нефтеналивной танкер? Но даже такая махина казалась бы мелкой по сравнению с тем, что он сейчас наблюдал. Норману показалось, что на том странном острове он заметил слабый проблеск света. Может быть, это была искра от его сигареты, оторванная ветром? Фриц бросил сигарету за борт и снова стал всматриваться в очертания, пытаясь разглядеть хоть что-то. И точно: через несколько секунд он заметил один проблеск огня или света, затем второй, третий... «Наверное, это всё-таки танкер, – подумал Норман, – раз там есть огни... Возможно, это всё-таки остров, уж больно он большой». Но здесь Норман обратил внимание, что за то время, пока он наблюдал за странным объектом, – а прошло никак не менее пятнадцати минут – плавающий объект то отставал, то снова догонял их. Фриц понимал, что таких судов не бывает, которые, меняя курс, с такой скоростью движутся с кормы на нос и с носа на корму. Он еще подумал: «Прямо какой-то плавучий НЛО». Фриц на какое-то время задумался, повернулся, чтобы сходить в рубку и спросить своего помощника, не наблюдал ли он чего-то подобного необычного в последнее время. Потом снова взглянул на линию горизонта – там ничего уже не было: ни очертаний, ни проблесков огней, ничего. «Наверно, мне показалось», – подумал Фриц, но всё-таки решил сходить в рубку и проверить себя.

Помощник капитана и матрос сидели на прикладных стульях и каждый занимался своим делом: помощник смотрел видео, а матрос сосредоточенно пялился на красноток на дисплее своего сотового телефона. Норман обратил внимание, что корабль идет на автопилоте, звуковая сигнализация автоматического оповещения, которая срабатывала при появлении судов на встречных или обгонных курсах или на траверзе, тоже молчала. При появлении капитана помощник повернул голову, спросил:

– Что, кэп, не спится?

– Да, что-то в этом роде. Видно, нагулялся, – добавил он.

Матрос нехотя оторвался от дисплея и с блудливой улыбкой сказал:

– Скоро придем, кэп.

– Я понимаю тебя, Бас, – ответил Норман. – Наверно, хочется погулять.

– Очень хочется, кэп.

– Как, всё нормально? – спросил Фриц.

Помощник удивлённо воззрился на своего начальника и нехотя ответил:

– Да, всё хорошо.

– По встречному и боковым курсам всё чисто?

– Всё чисто, – снова с удивлением ответил помощник. – А в чём дело, Норман?

Фриц подумал, не поделиться ли своими необычными наблюдениями с помощником, но потом представил его реакцию с пальцем у виска и ответил:

– Да так, перестраховываюсь. Ты же знаешь, здесь очень оживлённые маршруты.

Первый раз с Норманом подобное произошло, когда они ходили из Сан-Франциско в Ньюкасл, второй раз точно такое же видение он наблюдал, когда «Дурбан» шёл из австралийского Перта в Кейптаун, третий раз он видел океанский призрак, когда сухогруз шёл из чилийского Антофагаста в Веллингтон. В третий раз это происходило на рассвете, почти днём. Норман нисколько не сомневался, что на этом странном призрачном плавучем острове он увидел зелёные насаждения и даже какие-то строения, похожие на человеческие жилища. Он так пристально всматривался в горизонт, что в один момент ему даже показалось, что с самого высокого мыса этого призрачного острова ему махнула красной косынкой его Линда. Фриц даже зажмурился и помотал головой, чтобы отогнать это видение. И оно действительно исчезло. Но вместе с тем исчезал и сам призрак: вот он удаляется всё дальше и дальше, пропадают его очертания, зелёный мыс, а затем и весь он как бы утонул в волнах.

Норман когда-то читал, что на просторах океана появляются острова-призраки, и что даже айсберги, отколовшиеся от шельфа Антарктиды, могут плавать годами. Грязь, скопившаяся на их поверхности, в более теплых широтах начинают покрываться зелёными мхами и травами. Может быть, именно такие айсберги и видел Фриц.

В команде сухогруза разговоров о странном острове никто не вёл, каждый член команды занимался своим делом и обращал внимание на капитана лишь тогда, когда заступал на вахту или делал какие-то другие необходимые на судне работы. Нормана ставило в тупик то, что это видение являлось только ему. Странно было бы, если бы это был натуральный объект, чтобы его больше никто не видел; странным было и то, что этот остров (если это был именно остров) являлся ему совершенно в разных местах Индийского океана и южнее Австралии. Если это был остров, то как он мог плавать, ведь острова, как известно, не плавают – это Норман знал точно, и в этом его никто и никогда не мог бы переубедить.

Однажды он зашёл к старшему матросу Аренсу, летучему голландцу, как называли его в команде за непоседливый характер, который исполнял ещё и обязанности судового доктора. Аренс когда-то закончил несколько курсов Амстердамского университета, хотел стать врачом общей практики, как настаивал его отец, тоже доктор, но мальчик вдруг захотел стать моряком и, несмотря на сопротивление родителей, ушёл в плавание. Ушёл на один рейс, чтобы испытать себя, и вот уже восемь лет бороздил моря и океаны.

Увидев входившего в его каюту капитана, Аренс улыбнулся сквозь усы и спросил:

– Какие-то проблемы, кэп?

– Почему ты так думаешь, Аренс?

– Ну, обычно, если от меня требуется что-то надо другое, то меня зовут штормовым сигналом, – он показал глазами на звонок, прикреплённый к стенке каюты.

– Да, ты прав, Аренс, – сказал Фриц, усаживаясь на кушетку. – Ты понимаешь, в последнее время со мной происходит что-то странное...

И он рассказал о плавучем привидении, о Линде.

– Это происходит во сне или наяву? – спросил Аренс.

Норман задумался.

– Откровенно говоря, я и сам уже не знаю. Может, у меня просто нервишки пошаливают или галлюцинации, а?

– Вполне возможно, – ответил Аренс и как-то странно посмотрел на своего капитана. Заметив этот взгляд, Фриц подумал: «Зря я ему рассказал, ещё подумает, что я псих. А если дойдёт до босса, то меня точно выкинут за борт, и стану я сухопутной крысой». Но Аренс вполне серьёзно отнёсся к проблеме своего капитана, он постучал молоточком по коленям, поводит им перед его глазами, велел, закрыв глаза, дотронуться до кончика носа и вынес свой вердикт:

– По моему, ничего страшного, кэп, у вас просто переутомление. Вы когда были в отпуске?

– В отпуске? – спросил не то Аренса, не то самого себя Норман. – Зачем он мне, меня ничего на берегу не держит. Я отдыхаю между рейсами, мне этого вполне хватает.

Аренс, знавший о жизни своего капитана, только вздохнул и сказал:

– Вам нужен не просто отдых, а смена обстановки и, если хотите, климата.

– Климат я меняю каждый день, – отшутился Фриц.

Врачеватель лишь вздохнул, полез в свою аптеку и вытащил из неё несколько блистеров. Протянул Норману и сказал:

– Вот, принимайте эти лекарства. Уверяю, кэп, ничего страшного у вас нет. И всё-таки настоятельно советую – отдохните, перемените обстановку, когда придём в порт приписки.

– И что ты мне посоветуешь, Аренс?

– Ну, я не знаю ваши предпочтения, кэп. Поезжайте в какую-нибудь деревню, сходите в музей или порыбачьте.

– Музеи – это слишком скучно, я и так за свою жизнь слишком много насмотрелся, чтобы в них ходить, а вот в деревню... Впрочем, я подумую. Спасибо, Аренс, – сказал Фриц, вставая с кушетки.

После приёма лекарств Норман почувствовал себя как будто лучше: ему уже не являлись призрачные острова и всякие другие чертовские видения, да и спать он стал лучше. Но сегодня что-то не спалось. Он оделся потеплее и вышел на палубу. Океан качал сухогруз с кормы на нос, словно щепку. Свежий ветер срывал с гребней волн пену и бросал её в лицо Фрицу. На своем обычном месте Норман неожиданно увидел человека, в предраассветной синеве рассмотрел смуглое лицо матроса Баса. Тот стоял, опираясь на борта, и напряжённо всматривался в горизонт, словно хотел что-то там рассмотреть. Он не заметил капитана сразу и потому, когда Норман пробасил:

– Доброе утро, Бас, тоже не спится? – матрос вздрогнул и как-то испуганно посмотрел на капитана, не произнеся от растерянности ни слова. Потом овладел собой и выдал из себя невпопад несколько фраз:

– Да это я так... Не спится, кэп... Доброе утро, кэп.

– Курить будешь, Бас?

– Спасибо, кэп. – Матрос взял из рук капитана сигарету, прикрывшись полой бушлата, прикурил её и жадно вдохнул дым. Долго стояли молча, не обращая внимания на брызги от свежего ветра и летящую с гребней волн пену.

– Ты сколько уже ходишь, Бас?

– Три года всего, кэп, – ответил матрос.

– На сколько у тебя контракт?

– На пять лет, герр капитан.

Опять замолчали. Капитан посмотрел на круглый профиль лица Баса, неожиданно спросил, думая о своём:

– Скажи, Бас, ты не замечал ничего странного в океане?

Норман заметил, как Бас неожиданно вздрогнул при этом вопросе, посмотрел в глаза капитану и ответил встречным вопросом:

– Что вы имеете в виду, кэп?

– Ну, не знаю. Например, огромного морского змея или летучего голландца, может, ещё какую чертовщину.

– А почему вы спрашиваете об этом, герр капитан?

– Да есть у меня некоторые сомнения... Видел я кое-что, но, может, это галлюцинации, вот...

После недолгой заминки Бас выстрелил окурком в волны и сказал:

– По правде говоря, кэп, однажды я видел что-то подобное, но... Вы ведь не считаете меня сумасшедшим, кэп?

– Нет-нет, что ты, – заверил Фриц матроса. – Мне как-то один знакомый врач сказал, что каждый человек по своему сумасшедший, только у одних сумасшествие проявляется очень чётко, а у других не проявляется всю жизнь. Просто последних больше, и они считают себя нормальными.

– Наверное, это так и есть, кэп, – отозвался Бас. – Наверное, я отношусь ни к тем и ни к другим.

– Почему?

– Ну... Только не смейтесь, герр капитан. Я расскажу вам кое о чём, а вы послушайте. – Бас снова замялся, а потом решил: – Я не знаю, что это было: полусон, видение или ещё какая чертовщина, но... Понимаете, я видел какой-то странный остров.

– Остров? Это точно? – почему-то обрадовался капитан.

– Да, да, именно остров, – горячо заговорил Бас. – Только этот остров был каким-то странным, герр Норман. Он появлялся то здесь, то там, он как будто плыл, то обгонял, то отставал, будто преследовал нас, а потом исчезал. Не знаю, кэп, может, это был мираж или призрак. Но ведь миражей в море не бывает, так герр капитан?

– Я, по правде, не знаю, – ответил Фриц. – А дальше, дальше что.

– Вы понимаете, герр капитан, я видел его четыре раза и каждый раз в разных частях океана. И уверяю вас, это был один и тот же остров, на нём росли деревья, на нём есть горы. Однажды мне показалось, что там кто-то движется, люди или животные.

– Люди? – спросил Норман. – Это точно?

– Я не уверен, герр капитан, но больно уж эти существа были похожи на людей.

– Ты это видел днём или ночью?

– И днем, и ночью, герр капитан. Ночью, мне кажется, я видел даже какие-то мерцающие огни. Ну, знаете, такие, похожие на огни Эльма.

– Так. – Норман задумался. – И ты никому об этом не рассказывал, Бас?

– Никому, герр капитан, вам первому. Сами понимаете, что бы обо мне подумали, – Бас покрутил у виска и присвистнул. – Святая Мария свидетельница. Я боялся, что меня засмеют или примут за сумасшедшего. Я боялся, что меня спишут на берег, герр капитан, как ненормального. А у меня, кэп, семья, дети, их кормить надо. Клянусь всеми святыми, это правда, что я вам рассказал. – Бас наложил на себя католический крест и внимательно посмотрел на своего начальника. – А что, герр Норман, вам тоже привиделась эта чертовщина?

– Ты точно сказал, Бас – привиделась. Но теперь я уже сомневаюсь, что мне это привиделось, – ответил капитан. – Ведь если привиделось не мне одному, то получается, что это вовсе и не призрак, а что-то совсем другое. Ведь не может же остров плавать, так, Бас?

– Я таких островов не видел, герр капитан. Правда, я где-то читал, что в Саргассовом море образуются такие острова из водорослей, но сам я их не видел.

– Что же нам делать, Бас, с этой информацией?

Бас пожал плечами и зябко поёжился, ничего не ответив своему капитану. Снова закурили. Неожиданно Норман сказал:

– Давай вот что мы сделаем, Бас: осторожно поспрашиваем у других, может, кто-то другой видел это привидение. Только аккуратненько, чтобы нас и на самом деле не приняли за заговорщиков или умалишённых.

– Я придумал, герр, как это сделать. – На смуглом широком лице матроса засветилась улыбка. – Мы будем рассказывать об этом всему экипажу, ну, вроде бы как морскую байку. Ведь моряки любят травить разные небылицы и истории, ведь, правда, кэп?

– Что ж, это можно попробовать, – согласился Фриц.

В минуты отдыха капитан Норман любил просто полежать в своей каюте и помечтать о чём-нибудь. В последнее время мечты его как бы притупились, уплыли, словно облака над океаном. Ну, о чем может мечтать человек: о счастье, об уютном доме или о семье, самых обыкновенных радостях жизни и покое после трудового дня. Ни счастья в общечеловеческом понимании, ни дома, ни семьи, ни покоя Фриц уже не ожидал. Но после того как ему показалось, что с того призрачного острова ему помахала косыночкой Линда, Норман потерял покой, отчего ему и не спалось по ночам. Он вдруг вбил себе в голову, что его любимая жена, возможно, жива. Ведь он же не видел её мёртвой, не был на похоронах, не целовал на прощание её холодные губы. А вдруг в море нашли совсем не Линду, а совершенно другую женщину, ведь солёные морские воды так обезображивают лицо человека, если он долго пробыл в воде. Норман сам видел однажды, как в порту полицейские вытаскивали из воды на берег труп утопленника. На человека это было похоже мало, это походило больше на бревно с обломанными сучьями вместо конечностей или на огромную сваренную сосиску. Кожа на животе утоплен-

ника треснула, и из него вывалились внутренности, лицо напоминало маску из фильма ужасов, на котором вместо глаз были лишь две узкие щёлочки.

А вдруг Линда жива и каким-то необъяснимым образом и при необъяснимых обстоятельствах на самом деле оказалась на том призрачном, плавающем по океану острове? А что если это она ищет его, Фрица, и никак не может с ним соединиться вновь? Ведь она знает, что он плавает на «Дурбане», и подаёт ему знак, что она вовсе не мертва, а просто находится в неволе у каких-то неведомых существ.

Эти навязчивые мысли в последние дни так завладели Норманом, что он решил оповестить об этом весь мир: пусть знают, что его милая, дорогая Линда жива, и она, возможно, находится на плавающем острове у каких-то неведомых существ. Только как об этом рассказать людям? Может быть, выступить по телевидению, ведь телерепортёры так жадны до сенсаций, им надо повышать рейтинги телепередач, чтобы кормить зрителей рекламой, от которой они получают хорошие деньги?

А может быть, просто распустить слух об этом острове, ведь слухи иногда кажутся правдоподобнее любых реальностей? Нет, не годится ни то, ни другое. На телевидении его посчитают умалишённым и наверняка отправят в психушку до конца жизни, если же просто распустить слух, то никто не будет знать о нём, Нормане, а значит и о Линде. Нет, нет, это не годится. Самое лучшее – это написать письмо в какую-нибудь известную газету, там очень охочи до поедающих друг друга уток. Он где-то читал, как один журналист, чтобы посмеяться над легковерием своих читателей, написал заметку о том, как учёный купил 20 уток, изрубил одну из них и накормил остальных уток. Так он поступал до тех пор, пока не осталась всего одна утка, которая пожрала, таким образом, своих 19 подруг. Этим учёный якобы доказал прожорливость уток. И, что самое интересное, этот бред перепечатали многие газеты и журналы, а читатели поверили в это. Да, написать в газету – это самый лучший вариант. Только вот как подписаться: своим именем или псевдонимом? Если своим, то придётся объясняться или доказывать, а фактов и доказательств у него нет. Эх, если бы у него был фотоаппарат, но фотоаппаратов Норман не любил с тех самых пор, когда какой-то фоторепортёршишка-папарацци заснял их с Линдой на пляже, где они целовались, а потом поместил фото в местной газете. «Ладно, подпишусь пока псевдонимом или вымышленным именем, а потом, если письмо опубликуют, я им позвоню и назову своё настоящее имя», – подумал Норман и, достав из стола листок бумаги, сел писать.

8

Другом Агафодрова в Думьяте оказался весёлый и вездесущий араб по имени Саид, который при первой встрече с супругами Подноветными представился на чистом русском:

– Здравствуйте. Зовите меня просто Саша. Вы не удивляйтесь, я учился в России, в Петербурге на судостроителя.

Алексею он пожал руку, а Глафире галантно поцеловал руку, не забыв при этом бросить по-восточному долгий взгляд на её пышную грудь в глубоком вырезе лёгкого платья. После чего он что-то сказал по-арабски Даниле и тот кивнул головой.

Встречались они в офисе у Саида, который располагался в большом старом здании на самом берегу Средиземного моря. Кабинет был украшен по-восточному пышно и щедро коврами, картинами, оружием и столиками с различными древними предметами от гигантских раковин до греческих амфор, видно, поднятых со дна моря. Начал разговор Саид с не очень радостных известий:

– Возникли некоторые трудности с прохождением через Суэцкий канал, в последнее время очень сильно выросли расценки на прохождение по нему.

– Насколько? – поинтересовался Агафодров.

– Почти на сорок процентов, – ответил Саид.

– Ого, – округлил глаза Данила, – откровенно говоря, я на такие сюрпризы не рассчитывал. Что делать будем?

Саид широко улыбнулся, провёл по своим жестким курчавым волосам и ответил:

– Не беспокойся, Даня, я уже всё продумал. Вот, смотрите. – Он нажал кнопку, и на большом мониторе, висящем на стене, появилась карта севера Египта. – Придется воспользоваться трейлером, это выйдет в три раза дешевле. Сначала мы дойдем на яхте по озеру Манзала до Порт-Саида, а оттуда на трейлере вдоль канала через Исмаилию до Суэца. А там уже водой через Красное море и Аденский залив выйдем в океан. Как, нравится вам такое путешествие?

Русские переглянулись. Агафодов вздохнул:

– Придётся, что же делать. Только почему ты меня не предупредил, мы хотя бы подготовились.

– А чего готовиться, – горячо воскликнул Саид, вскочив с кресла и замахав руками. – Всё уже готово. Трейлер у меня свой, яхта готова, вода, еда тоже есть, проедем с комфортом.

– Далеко? – жалобно спросила Глафира.

– Куда далеко? – не понял Саид.

– Ну, ехать далеко?

– Нет, каких-то сто семьдесят – сто восемьдесят километров. Мы их проскочим за два-три часа. Всё будет нормально.

– Слава богу, что это не Россия, – воскликнула Глафира, – в этом Египте совсем карликовые расстояния. У нас в Сибири от деревни до деревни дальше.

– Вот увидите, это будет весёлое путешествие, – воскликнул Саид. – Зато вы увидите болота и солончаки равнины Тима, аравийские пески, прекрасные Горькие озёра.

– А комары и скорпионы там есть? – спросила Глаша.

– Конечно, есть, – весело воскликнул Саид, не поняв иронии Глафиры. – Там даже верблюды и ящерицы есть.

– А как с визами? – спросил Алексей, – ведь мы будем проходить через столько стран.

– Визы все готовы, вот смотрите. – Саид вытащил документы и показал многочисленные штампы на паспортах. – Вот египетские, аравийские, суданские, йеменские, эфиопские, даже афаро-иссовские на всякий случай сделал.

На следующий день выехали рано утром, ещё затемно, пока не сменился бриз, и охлаждённый ночной ветер с пустынь дул в сторону моря. Огромный трейлер с просторной кабиной, где путешественники чувствовали себя, словно в собственной квартире, плыл по бесконечным пустым просторам, будто корабль среди океана. И если бы не сложенные мачты яхты, он наверняка походил бы на парусник среди пустыни.

Глафира и Алексей еще спали, прислонившись друг к другу, Саид что-то высматривал на мониторе своего ноутбука, а Данила просто глазел в боковое окно, всматриваясь в темноту, словно ждал чего-то. Солнце выскочило из-за горизонта, словно чёрт из табакерки, изрыгнув свет на землю. И сразу стали видны солончаковые кочки, заросшие густой травой и камышом, горбы песчаных барханов и голубая лента Суэцкого канала, по которому непрерывным караваном шли морские суда. Вдоль шоссе проплывали небольшие деревеньки, где крестьяне выгоняли на пастбища скот, запрягали ослов и лошадей, чтобы начать новый день извечных крестьянских хлопот. Шоссе все больше заполнялось автомобилями, и скоро врывающийся в кабину трейлера шум их моторов стал напоминать азбуку морзе: ззз, ззз-ззз, ззз, ззз, ззз-ззз-ззз.

Эти шумы разбудили Глафиру, она сладко, без стеснения потянулась, протёрла ладонями глаза и тут же без обиняков заявила:

– Я хочу умыться и поесть. Леша, вставай, хватит дрыхуть, – она толкнула мужа в бок острым локотком, отчего тот вздрогнул и распахнул глаза. Пробормотал:

– Где мы? Уже приехали?

– Ага, – въедливо подтвердила Глафира. – Вставай, поухаживай за женой.

Саид сложил ноутбук, сказал:

– Если повезёт, то к вечеру мы придем в Халаиб, там заночуем.

– Почему, разве мы не можем пройти до Баб-эль-Мандебского пролива? – спросил Алексей.

– Почему нельзя, можно, – подтвердил Саид и уклончиво добавил, посмотрев почему-то на Глафиру, которая обтирала свое лицо мокрой тряпочкой: – Зачем спешить, к тому же ночью можно напороться на скалы или мели, особенно в районе Дахлакских островов у Эритреи. Там посмотрите гору Асотериба. Это как раз на границе с Суданом.

– Разве ты не знаешь район Дахлакских островов? – с тревогой спросил Данила. – Ведь ты сам говорил, что не раз ходил по Красному морю и можешь пройти его с закрытыми глазами.

Саид ушёл от прямого ответа, пожав плечами:

– Чего гадать, посмотрим.

Эта уклончивость не ускользнула от внимания Алексея, он подозрительно посмотрел на Саида и достал для Глаши термос с кофе.

В Суэце на разгрузочном терминале Саид куда-то долго бегал, согласовывая все формальности по разгрузке яхты, хотя, при современных средствах связи и согласования всё можно было сделать заранее и всего за несколько часов. Это Подноветному тоже показалось подозрительным, и он перешепнулся с Данилой:

– Слушай, чего он суетится? Разве нельзя это было сделать заранее, а?

– Ну, мы же вначале хотели идти от Думьята через канал. А тут, видишь, всё изменилось. Чего ты тревожишься, Саид парень свой, надежный, я его уже много лет знаю.

– Кстати, а откуда ты его знаешь?

– Как откуда, я разве тебе не говорил?

– Нет.

– Да мы с ним дальние родственники, он женат на моей двоюродной сестре по матери, Наташке. Вместе учились в Питере, только она на инязе, а он в судостроительном. Там и познакомились, там и поженились. Потом в церкви венчались, он православие принял.

– Православие? – удивился Алексей. – Что-то не верится, у мусульман такие обычаи, что... А как его родственники отнеслись к этому?

– Да нормально, его отец тоже женат на русской, познакомились еще на строительстве Асуанской плотины. Да не грузи ты себя, всё будет хорошо.

Вот, наконец, подбежал полуголый араб в каске, просмотрел документы, которые ему протянул Саид, и свистнул крановщику, подняв голову. Кран сначала загудел, потом заскрипел своими железными членами и тронулся к тому месту, где стоял трейлер с яхтой. Шофер трейлера, Данила с Алексеем расчехлили громадину судна, и глазающая Глафира, прижимая руки к груди, восторженно закричала:

– Господи, какая же красавица!

Восторгаться действительно было чем: светло-глубой корпус яхты напоминал спящего дельфина, только вместо верхнего плавника у него была небольшая рубка, а вместо хвоста два лопастных винта и руль. Даже араб, руководивший выгрузкой, глядя на яхту, поцокал языком, восхищённо покрутил головой и поднял большой палец вверх. Вот яхта легла на гладь воды и впервые закачалась на слабых волнах.

Саид проворно закрепил судно у пирса, перебросил короткие мостки и пригласил путешественников на борт. Ещё часа два грузчики таскали на яхту различные ящики, тюки и сумки, а члены нового экипажа распаковывали и распихивали их содержимое по разным потайным местам. Время уже подходило к обеду, всем не терпелось выйти в залив, но только после короткого разговора с Саидом Алексей понял, почему они не торопились: яхту ещё нужно было оснастить парусами, заправить горючим, купить масла, ознакомить каждого члена команды с управ-

лением, разложить всё по своим местам, чтобы каждый знал, что и где лежит, научить одевать спасательные жилеты и термогидрокостюмы, пользоваться надувными шляпками, а уже все устали и томились от усиливающейся жары.

Огромная раскалённая сковорода солнца не щадила никого и пекла так, будто пыталась изжарить всё живое. Даже здесь, на яхте, среди свежего морского воздуха, становилось трудно дышать и передвигаться. Северяне разделись до возможного в таких случаях приличия и глохнули пиво, лишь Саид бегал, то спускаясь к ним, то поднимаясь на палубу, и что-то делал и делал.

Наконец устал и он, спустившись вниз, посмотрел на Глашу, виновато сказал:

– Дама не будет против, если я слегка разденусь?

Утомлённая Глафира распахнула свои изумрудные глаза и удивлённо протянула томным голосом:

– Саид, так ты ещё и в одежде? Как мне тебя жалко. Господи, какая жарница, я хочу на север, к милым белым медведям. Сделайте же что-нибудь.

– Скоро будет хорошо, как в России, Глаша, – ответил Саид, снимая с себя майку.

Он нажал кнопку стартера, и мощный мотор заурчал довольным котом, которого гладят по шерсти. Минут через десять заработали кондиционеры, и каюта наполнилась живительной прохладой. Но северяне уже спали. Чтобы не будить их, Саид поднялся наверх и позвонил по сотовому телефону. Долго разговаривал с кем-то на арабском, то приглушая, то повышая голос, потом кивнул головой то ли в знак согласия, то ли кланяясь кому-то невидимому, и закончил разговор.

Когда русские путешественники проснулись, стало ясно, что сегодня они никуда не пойдут, потому что небесная жаровня стала постепенно гаснуть, готовая утонуть на западе в песках Аравийской пустыни. Но Саид предложил совершить пробную прогулку вдоль побережья Суэцкого залива до города Порт-Ибрахим и обратно. Все согласились. Саид о чем-то переговорил с охранником на пирсе и развернул паруса. Паруса пару минут висели неподвижными тряпками, затем неожиданно хлопнули, наполняясь ветром, и яхта резко накренилась на борт. Саид нажал на кнопку, парус развернулся, и яхта рванула с места резвым скакуном. Алексей отметил мастерство капитана, который с лёгкостью справился со своей задачей.

Глафира запрыгала от возбуждения по палубе и захлопала в ладоши:

– Здорово! Боже мой, почему я не родилась моряком. Вот так бы плыла и плыла до самого края света!

– Потому что женщин на корабль не берут, – подначил её Данила.

– Это ты о плохих приметах? Тогда почему же столько мужиков потонуло в море, хотя на кораблях женщин не было? – не осталась в долгу Глафира.

– А они и с берега могут накликать несчастья, – встрял Алексей.

– Тогда зачем же ты взял меня, а?

– Потому что я тебя люблю, дурочка, и если придется погибать, то я хотел бы умереть вместе с тобой.

– Ах, ты так, – шутливо набросилась жена на мужа с кулаками. – Так ты взял меня, чтобы утопить меня в море, и чтобы никто не знал, где могилка моя, да? А как же... – Глафира что-то шепнула ему на ухо.

Алексей рассмеялся и тихо шепнул ей на ухо:

– Он-то и будет нашим самым верным поплавочком.

Их разговор прервал Данила:

– Эй, влюблённые, давайте сюда, Саид зовет.

Когда все собрались на палубе у рубки, Саид с улыбкой на лице сказал:

– А сейчас я покажу вам фокус-покус. Встаньте по краям, вот так. Внимание, сим-сим, раздвинься!

Все стали наблюдать, как корпус яхты стал неожиданно раздваиваться, и она превратилась в катамаран. Между двух корпусов появились только соединяющие их металлические стержни в руку толщиной. Гребные винты разделились. При этом рубка управления осталась по центру, по бокам которой образовались просторные проходы, которых не было до сих пор. Яхта сразу прибавила ходу, словно её пришпорил невидимый всадник.

– Ну, как? – спросил Данила своих соотечественников.

– Да, это классно, – подтвердил Алексей.

– Нет, это фантастика! – воскликнула восторженно Глафира. – Раз, и на тебе сразу две яхты. Кто это придумал?

Данила показал глазами на капитана, который от произведённого эффекта сиял, словно смазанный маслом колобок.

– А почему рубка на месте? Мы так и будем висеть над водой? – встревожилась Глафира.

– Ну почему же, Глаша-джан, – весело отозвался Саид. – Если захотите уединиться, к вашим услугам комфортабельные помещения в корпусах. Хотите посмотреть?

– Конечно, – с готовностью ответила Глафира.

Саид передал управление яхтой Даниле и повёл Подноветных на экскурсию. Свежий морской ветер ударил Глаше в лицо, и она закричала, раскинув руки:

– Ветер, ветер, ты могуч, ты сбиваешь стаи туч. Господи, как прекрасно-то!

Саид отдраил второй люк и показал вниз:

– Прошу гостей осваивать жилище. С новосельем.

Когда Алексей с женой спустились вниз, их окутала темнота и спёртый, душный воздух. Глафира испугалась:

– Здесь всегда так темно и душно?

Саид покрутил крепежный винт и распахнул металлическую заглушку. помещение осветилось, являя гостям такую картину: помещение напоминало большой кубрик метра два в ширину и метров пяти в длину. Здесь был один мягкий широкий диван и одна откидная кровать, закреплённая в нише. На стенке кубрика поблескивал пластиковой поверхностью откидной стол и два стула, здесь же был холодильник, минибиотуалет с умывальником и пластиковым зеркалом. На подставке стоял монитор с дивидипроигрывателем для просмотра видеофильмов. Глафира лишь визжала от восторга, рассматривая эти чудеса цивилизации.

– Это будет ваша отдельная каюта, – сказал Саид. – Ты согласна, Глаша?

– Еще бы не согласна, – сияла Глафира, – спасибо тебе, Саид.

Когда снова поднялись наверх, очередная золотая монета солнца опускалась в копилку вечности. Ещё чуть-чуть, и наступит темнота. Саид посмотрел на часы и сказал:

– Надо спешить, наверно, нам придется заночевать в Порт-Ибрахиме. Не возвращаться же нам назад, когда мы прошли часть нашего пути, верно?

– Верно, Саид, – поддержала его Глафира.

Алексей ничего не ответил, он лишь подозрительно покосился на своего капитана – он всё ещё не доверял ему, но держал постоянно под своим негласным контролем. Ему странными показались и задержка в Суэце, и эта незапланированная прогулка, и эта непредвиденная остановка в незнакомом городе... 9

Однажды в квартире детектива Шелли Бёрна раздался звонок телефона. Он словно ударил по мозгам, потому что у него сильно болела голова. Вчера он почти до трёх часов ночи просидел в интернете, выискивая и сопоставляя различные сообщения, касающиеся пропажи Николаса Черрика и его команды. В газетах и на телевидении плели такую чушь и приводили столько догадок и домыслов, что он не принимал их всерьёз. Что, например, стоило сообщение о том, что господин Черрик построил подводный город и со всеми своими сторонниками теперь живёт в подводных глубинах Тихого океана, или, что в одном из островных архипелагов недалеко от Антарктиды станциями слежения зафиксирован пуск неизвестной космической

ракеты. Одна из газет представила интервью с господином Черриком, который якобы рассказал о том, что он из религиозных соображений покинул суетную светскую жизнь и теперь со своими единомышленниками и единовѣрцами проповедует новое учение о возрождении заблудших душ в одном из монастырей юго-восточной Азии.

Чтобы остановить треск в голове, Шелли, лежа в постели, потерял виски, дотянулся до телефонной трубки и сонно сказал:

– Алло.

Неожиданно он услышал голос своего хорошего товарища, редактора отдела новостей вечерней нью-йоркской газеты Бена Ремпеля, который вместо приветствия прокричал:

– Шелл, с тебя бутылка виски.

– Это что, самое радостное для тебя событие сегодняшнего дня? – ядовито спросил Бёрн.

– Ты угадал, юноша, вчера я так набрался, что у меня в голове свистят пули и разносится канонада из лопающихся пузырьков шампанского.

– Чего надо?

– Нет, это не мне надо, а тебе, чёрт тебя побери, Шелл! – прокричал Бен. – Разве не ты приходил ко мне неделю назад и не просил сообщить тебе, если будет что-то касающееся Николая Черрика?

Шелли подскочил в постели и сел.

– Точно? Возможно, это опять какая-нибудь чепуха вроде похищения инопланетянами или пойманной акулы, у которой в брюхе найден череп Черрика.

– Ты можешь думать обо мне, что захочешь, Шелл, но то, что у меня есть, может тебя сильно заинтересовать. К нам в редакцию пришло интересное письмо от капитана какого-то судна. Нет, он не пишет конкретно о господине Черрике, но в его сообщении, на мой взгляд, есть что-то объединяющее пропажу нашего магната и того, о чём он пишет. Ты уж поверь, у меня на это чутьё.

– Хорошо, когда и где? – перешёл к делу Бёрн.

– Конечно же, в баре у нашего офиса, – со смешком ответил Ремпель.

Бен уже сидел за столиком в баре и грыз свой длиннющий мундштук из сандалового дерева. Увидев Шелли, он встал и вместо рукопожатия хлопнул его по плечу.

– Красотки на вечеринке были? – спросил Бёрн, когда они сели и заказали по чашке кофе.

– Конечно, были, но они почему-то всегда достаются другим, поэтому сегодня ночью я спал, юноша, один.

– Это хорошо.

– Почему?

– Потому что ты мог бы перепутать сон с явью и сейчас рассказать мне, как ты хорошо провёл время. Ну, выкладывай, что у тебя.

Ремпель протянул Бёрну письмо.

– На, почитай.

Письмо было большим, на трёх листах бумаги, но Шелл добросовестно его прочитал: «Уважаемый сэр, пишет вам капитан одного из судов, который уже много лет ходит в плавание по океанам. Не называю вам ни своего имени, ни адреса. Вы поймёте причину этого, когда я вам изложу некоторые необычные факты, с которыми я столкнулся во время плавания. Человек я одинокий, сэр, и немножко нелюдимый по некоторым причинам. Я часто не сплю по ночам и потому помногу провожу время вне вахты на палубе, чтобы как-то освежиться и подумать над теми событиями, которые сопровождали меня в жизни.

Однажды я увидел в океане странный остров, он был большим, даже очень большим. По моему глазомеру размерами он не мог быть меньше двух километров в длину. На первый взгляд кажется, что в этом нет ничего необычного, ведь в океане множество островов, и какому моряку пристало этому удивляться. Но дело в том, что ни по каким логиям и картам в этих

местах НЕ ДОЛЖНО БЫТЬ НИКАКИХ ОСТРОВОВ. – Именно эти слова в письме были подчеркнуты. – Пожалуй, я не удивился бы, если бы вдруг появился новый остров – мало ли что случается в природе, но этот остров ДВИГАЛСЯ. Он то обгонял наше судно, то двигался параллельным курсом, то отставал, то снова нагонял. На этом острове была растительность, небольшие возвышенности и, как мне показалось, даже какие-то строения. Дважды мне показалось, что там сверкнули огни.

Сэр, это можно было бы принять за мой сон, за миражи или морское привидение, если бы это не повторялось несколько раз. К тому же, этот странный призрачный остров являлся мне В РАЗЛИЧНЫХ ЧАСТЯХ ИНДИЙСКОГО И ТИХОГО ОКЕАНОВ южнее и западнее Австралии. Вы можете принять меня за сумасшедшего, сэр, я и сам так думал какое-то время и ни с кем не делился своими странными наблюдениями и открытиями. Я даже ходил к своему судовому врачу, но он сказал, что такое случается от переутомления.

Я так думал бы и дальше, сэр, но однажды я разговорился с одним из моряков нашего судна, и он признался мне, что тоже видел нечто подобное и считал это наваждением и следствием своей усталости. Признаюсь, сэр, что я пишу вам это письмо ещё по одной причине. Много лет назад во время моего дальнего плавания у меня трагически погибла жена Линда. Её похоронили без меня. Но однажды мне показалось, что с высокого мыса этого острова мне махала косынкой моя погибшая жена. Сэр, я здравомыслящий человек и понимаю, что покойники не могут оживать, но в моем мозгу засела мысль, что вместо моей жены могли похоронить совершенно другого человека, а моя дорогая Линда каким-то образом могла попасть на этот остров. Ведь ту женщину, которую нашли в море, была так обезображена, что её могли принять за кого угодно, в том числе и за мою жену.

Я пишу это письмо, сэр, только с одной надеждой, что вы опубликуете его и найдутся люди, которые либо подтвердят, либо опровергнут всё изложенное мною в письме. В случае если вы опубликуете моё письмо в вашей газете, я, сэр, обязательно сообщу вам своё имя и адрес».

Когда Бёрн прочитал письмо, Бен спросил:

– Ну, что скажешь?

Шелл пожал плечами и после некоторого раздумья ответил:

– В этом письме что-то есть.

– Да? – удивился Ремпель, – а, по-моему, это бред сумасшедшего.

– Тогда зачем ты принёс мне это письмо?

– Ну, вдруг тебе пригодится, – ответил Ремпель, отхлебнув глоток кофе и зарядив свой мундштук очередной сигаретой. – Я, конечно, не верю в эту чепуху, но что-то тут действительно есть. Правда, я не пойму, что же именно. Тут океан, а господин Черрик тоже пропал в океане. Правда, плавучий остров... Какой-то фантаст уже пытался создать его в своих мечтах, но... Ну как ты представляешь себе это морское чудовище в несколько километров длины!

– И что, публиковать это письмо не будешь? – спросил Шелл.

– Да ты что, Шелл! Меня босс уволит в тот же момент, когда я предложу это сделать. У нас же серьёзная газета, а не бульварный листок.

Подумав, детектив сказал:

– А если его поместить как раз в каком-нибудь бульварном листке, а? У тебя есть какие-нибудь знакомые?

– Зачем, Шелл? Тебе нужна ненужная головная боль или мужская менструация? Мне не нужна.

Бёрн снова задумался.

– Странно, что этот неизвестный капитан отправил письмо именно в вашу газету. Ты так не считаешь? Ведь если бы человек просто хотел прославиться, да ещё и заработать, он послал бы письмо в какую-нибудь бульварную газетёнку и имя свое назвал бы. А тут...

– Ну, может, ему захотелось поинтриговать, заинтересовать, чтобы потом содрать гонорар побольше. Ты же знаешь, Шелл, как много на свете разных чудиков.

– Ну, хорошо, – сказал Бёрн, вставая и натягивая свой черный берет на голову. – Тогда я беру это письмо. Так, Бен?

– Хорошо, оно мне больше не нужно. Так как, встретимся вечером?

– О кей.

* * *

Редактор мелкой бульварной газетёнки, собирающей сплетни даже с ветра, сидел в обшарпанном кресле за квадратным столом и пил из банки пиво. Вот он в очередной раз отрыгнул и спросил вошедшего недовольным голосом:

– Тебя кто впустил?

– Извините, там, – Бёрн ткнул пальцем на дверь, – никого нет.

– Ну и что же, – зарычал хозяин. – Если в приёмной никого нет, так можно входить без стука?

– Извините, но я и стучал.

Редактор поднял голову, прислушался к треску старого вентилятора, который пытался освободить помещение от тяжёлого запаха табака и пива, и промычал под нос:

– Ах, да... Так чего тебе надо, дружище?

– Мне? – спросил Бёрн, – да вообще-то ничего. – Редактор раскрыл рот от удивления и снова икнул. – Я думал, что ваше издание заинтересует один материал, но, видно, я не туда попал. Извините...

Бёрн развернулся, чтобы уйти, но редактор сквозь мутную пелену мозгового тумана вдруг вспомнил, что секретарша его ушла только потому, что он не платил ей последние три месяца, и остановил посетителя:

– Эй, дружище, подожди. Садись. – Редактор показал на стул посетителей, который с кривыми толстыми ножками тоже напоминал пьяного хозяина. Шелл вернулся и осторожно присел на скрипящий стул. Редактор протянул свою пухлую руку и сказал без всякого энтузиазма: – Ну, давай посмотрим, что у тебя есть. Кстати, ты кто?

– Я свободный журналист, – ответил Шелл, отдавая редактору заранее написанную статью со своими комментариями на основе письма неизвестного капитана.

Влив в рот очередной глоток пива, редактор беглым взглядом стал просматривать напечатанное, и по мере того как он проглатывал текст, выражение его лица менялось: сначала оно было скучным и брезгливым, как у человека, собирающего на помойке грязные, но необходимые вещи, затем на нём появилась мина охотничьего пса, учувшего добычу, потом оно вытянулось и засияло от предвкушения счастья. Шелл осторожно наблюдал за этими метаморфозами на лице толстяка и про себя усмехался, думая, проглотит или нет редактор эту сенсацию, но он уже понимал, что сидящий перед ним толстый троглодит уже поднёс её к своей пасти.

Редактор тоже понимал, что в его руках сенсация, на которой можно заработать большие деньги, нет, не просто большие, а очень большие. Ведь если этот материал по-умному раскрыть, газета будет жить как минимум месяца два. Понимает ли это болван, сидящий перед ним. Он взглянул на напряжённое, испуганное и настороженное лицо Бёрна, небрежно бросил на стол статью и скучающим голосом спросил:

– И сколько ты хочешь за этот бред, дружище? – Бёрн промолчал, словно раздумывая. – И где, кстати, это письмо. Может, ты его выдумал.

Бёрн протянул руку, чтобы взять свой материал и обозначая намерение уйти, но редактор его остановил:

– Ну-ну, не надо уж так сразу. Так какие твои условия?

– Я хотел бы сначала услышать ваши, сэр, – ответил Шелл.

Редактор постучал своими жирными пальцами по столу, раздумывая несколько секунд, снова посмотрел на своего посетителя, одетого в неряшливую и поношенную одежду, и, наконец, выдавил из себя его стоимость:

– То, что ты мне принёс, дружище, не стоит больше восьмисот долларов.

Бёрн снова протянул руку за материалом, редактор снисходительно усмехнулся и сказал:

– Ну, хорошо, дам тебе тысячу двести. И поверь, больше тебе никто не даст. Ты как, согласен? Если нет, можешь идти, куда хочешь.

Шелл про себя усмехнулся и, немного помявшись для виду, согласился. Если бы этот болван понимал, что его совсем не интересуют деньги, что заботит его только то, как подаст материал газета этого кретина, и откликнуться ли на него другие, более серьёзные издания, а ещё лучше кто-нибудь из очевидцев. Взяв деньги и оставив свой телефон, Бёрн вышел из редакции и, вдохнув относительно свежего, по сравнению с прокуренной редакторской каморкой, городского воздуха, направился к своей машине, оставленной за углом.

* * *

Купив вечерний выпуск газеты, Бёрн довольно улыбнулся – редактор оказался довольно способным газетчиком, раскрутку он начал, что называется, с «зайчика». На первой полосе крупными красными буквами, похожими на плащи тореадора, было напечатано: «В океане замечен странный рукотворный плавучий остров. Есть очевидцы! Подробности в ближайшем номере!»

На следующее утро, купив газету, сыщик отметил, что она увеличила свой тираж как минимум вдвое. Газетёнку смели с прилавков и стендов буквально за час, а ещё через час вышел дополнительный тираж. На этот раз уже две страницы – первая и последняя – были заполнены некоторыми новыми подробностями о сенсационном событии с различными рисунками и коллажами, на которых изображался остров-привидение с жителями, похожими на гуманоидов, и лицо моряка с удивлённо раскрытым ртом и распахнутыми глазами. В следующем номере упоминалось о местах, где был замечен плавучий остров, после которого в редакцию стали поступать звонки и письма очевидцев, которые, оказывается, тоже видели странный остров. Все эти письма и сообщения газета давала на своих страницах в развёрнутом виде, с комментариями и без комментариев. В основном, это были явная ложь, выдумки, галлюцинозирование отдельных нездоровых людей или бред любителей погреть на сенсации руки.

Бёрн восхищался журналистской хваткой редактора, его «капельной» методикой подачи материалов, при которой из читателей, словно из апельсина сок, можно было выжать как можно больше материала и денег, но это мало его волновало. Он ждал только одного: отреагируют ли на эту сенсацию другие, более серьёзные издания, телевидение, электронная почта и интернет. Шелл не отлипал от монитора компьютера, листал сотни страниц газет, забывая ими мусоропровод, смотрел и слушал все новостные программы телевидения и радио, но там словно воды в рот набрали. И лишь через неделю в «Нью-Йорк таймс» появилась короткая заметка.

В ней сообщалось, что командир пассажирского авиалайнера, следовавшего по маршруту Буэнос – Айрес – Сидней, вынужден был, обходя грозовой фронт, снизиться до девяти тысяч футов и отклониться от курса далеко на юг от Австралии. Обойдя грозовой фронт и намереваясь поднять лайнер до расчётной высоты, штурман увидел странное явление: один из островов небольшого архипелага вдруг стал неожиданно раздваиваться. Не веря своим глазам, штурман сделал своим фотоаппаратом несколько снимков.

К сожалению, снимки оказались сильно смазанными, но при обработке их на компьютере можно было рассмотреть, как два острова как бы расходятся друг от друга. Но это могло быть обманом зрения, так как съёмка производилась при изменении курса и на большой скорости. Один из специалистов, приглашённых в редакцию в качестве эксперта, подтвердил, что при съёмках на большой скорости создаётся эффект раздвоенности, когда два рядом стоящих объекта как бы расходятся и удаляются друг от друга, но вряд ли так происходило на самом деле.

Редакция обещала в одном из ближайших номеров разместить три снимка, которые наглядно подтверждали бы всё написанное. После опубликования снимков редакцию завалили письмами и замучили телефонными звонками. Один из читателей предположил, что это мог быть обыкновенный мираж, которые не так уж редки в это время года и в этих местах. Словно бы в подтверждение версии любознательного читателя служба аэрокосмической фотографии сообщила, что в данном районе Индийского океана не обнаружено никаких островов и архипелагов. Тогда что же запечатлел своим фотоаппаратом лётчик? Вопросов возникало очень много, но ответов на них читатель так и не узнал.

С пассажирского морского лайнера, совершающего рейс Сидней – Веллингтон, пришло сообщение о странном летательном аппарате, похожем на четырехконечную звезду. Его наблюдали сотни пассажиров. Аппарат двигался с небольшой скоростью – 250—300 километров в час, при этом он часто как бы зависал на одном месте и начинал разнонаправленные движения, совсем противоположные прежним. Аппарат был серебристого цвета, небольших размеров, и на оконечностях его плоскостей были заметны круги от вращающихся лопастей винтов или чего-то подобного. Обыкновенный самолет летать так не мог, а вертолёт в этом районе просто не мог находиться, потому что уж слишком далеко было до ближайшей суши. Разве что этот аппарат мог подняться с палубы какого-нибудь исследовательского, научного судна или авианосца, но в это время в данном месте, по сообщению навигационных служб, не было подобных плавающих объектов.

Вряд ли все эти сообщения представляли серьезный интерес для поисков господина Черрика, но Шелли Бёрн, следуя своей аккуратности и дотошности, все эти сведения записал в свой огромный блокнот и свел эти данные в карманный компьютер. А вдруг пригодятся...

10

Ночёвка в Порт-Абрахиме прошла спокойно, все четверо путешественников выспались, помылись, поели, и яхта, распустив крылья своих парусов, под свежим утренним бризом понеслась по Суэцкому заливу, а затем по Красному морю. Глафира сначала с упоением и восторгом смотрела на удаляющиеся зелёные берега, на проплывающие мимо них островки, которых здесь было десятки и сотни, на прибрежные горы. Затем этот пейзаж её утомил, и она легла в своей каюте спать. До вечера успели пройти северную провинцию Судана и легли на траверз у города Альгена на границе Эритреи и Судана. Намучившаяся за день от качки Глафира вопрошала Саида:

– А почему стоим? Разве нельзя идти ночью?

Саид улыбнулся:

– Почему нельзя, можно.

– Так в чём же дело? – напирала Глаша.

– Ну, во-первых, дорогая Глафира – джан, я очень сильно устал, а подменить меня некому.

– А Лёшка? Я знаю, он не раз ходил по Чёрному морю, по Байкалу, он умеет. – Она обернулась к Подноветному. – Ведь так, Лёша?

– Так-то так, дорогая доброхотушка, – вежливо откликнулся Алексей, – но только это совершенно другое судно, к нему ещё привыкнуть надо. Здесь и управление другое, и места незнакомые. Мало ли что...

– А система ГЛОНАСС, она для чего? – не уgomанивалась Глафира. – Если вы не можете, тогда давайте я за штурвал встану, – решительно заявила она.

– Да успокойся ты, торопыга, – включился в разговор Данила, – Саид знает, что делает. Он не раз ходил этим курсом. Так ведь, Саид?

– Так, так, ночью идти опасно. Тут, совсем недалеко, есть острова Дахлак. Их так много, намного больше, чем кочек на подмосковных болотах. Ночью никак не пройти. А как же русская пословица: утро вечера мудренее, а? – обратился он к Глафире.

– А, все вы мужики такие: чуть что, так сразу пословицу подходящую находите, лишь бы оправдаться, – пошла в атаку Глафира, не сдававшаяся даже в самых критических ситуациях. – Да делайте, что хотите.

С яхты было хорошо видно, как по заливу туда и сюда сновали, точно челноки, различные суда: танкеры, сухогрузы, контейнеровозы, большие океанские яхты, круизные пассажирские лайнеры, рыбацкие траулеры. Фарватер самого загруженного в мире моря был забит, словно кошель трала селёдкой. Многие суда просто стояли, ожидая очереди для прохождения через Суэцкий канал, другие спешили вырваться из этой тесной горловины, чтобы пройти через Аденский залив и поскорее выйти на просторы Индийского океана.

Любоваться этим уже просто не было ни сил, ни желания, и после того как солнце в очередной раз скользнуло под одеяло звездной ночи, все, кроме Саида, спустились в кубрик. Глафира решила приготовить в духовке рыбу и возилась с ножами у небольшого откидного стола, напевая под нос: «Капитан, капитан, улыбнитесь, ведь улыбка – это флаг корабля...» Данила с Алексеем, приняв душ, уселись на диване и глазели на монитор, пытаясь уловить глубинный смысл очередного боевика. Посмотрев на закрытый люк, Алексей склонился к уху Данилы и спросил:

– Слушай, Даньк, все-таки, тебе не кажется подозрительным этот Саид?

– С чего это? – не отрывая глаз от экрана и посасывая из бутылки освежающий напиток, спросил Данила.

– Ты заметил, что он часто куда-то звонит.

– Что ж такого, звонит и звонит. Мало ли куда.

– Он старается звонить незаметно, так, чтобы мы ничего не слышали.

Данила воззрился на товарища и, выпятив нижнюю губу, спросил:

– А ты что же, разговариваешь, чтобы тебя все слышали?

– Да нет, – смутился Подноветный, – просто подозрительно как-то. И в порту он с кем-то о чём-то договаривался, и в Абрахиме несколько раз звонил.

– Слушай, да не бери ты в голову, всё будет хорошо. Саид – надёжный мужик, если он что-то делает, то уж точно не во вред себе. Ведь я ему заплатил только половину суммы за его услуги, так что дыши спокойно, арабы никогда не упустят своей выгоды.

– Мальчики, садитесь ужинать, – прокричала Глаша.

Когда стол был накрыт, в каюту спустился и Саид. Он улыбался, даже пытался шутить с Глафирой, превознося до небес её кулинарные способности, но Алексей видел, что за беззаботностью и весёлостью араба скрывались настороженность и озабоченность. Что на самом деле находилось за этой маской, Алексей не знал, но на всякий случай решил быть настороже.

Все выяснилось ранним утром, когда Саид приказал убрать паруса, и катамаран превратился снова в катер. Пока Глафира возилась в каюте, напевая своего «Капитана», он подозвал к себе мужчин и сказал:

– Вобщем, так, мужики, сегодня мы будем проходить очень опасный участок, так что будьте наготове.

– А в чём дело, Саид? – пробасил Данила. – Ты нам ничего не говорил...

– Потому и не говорил, что на судне самый страшный враг – это паника. Вы уж извините, я боялся, что вы раздумаете и повернёте назад.

– С чего бы? – спросил Алексей.

– А вы не заметили, что нас преследует какое-то странное судно, похожее на пограничный катер?

– Нет, – растерянно, в один голос ответили мужчины.

– Да их тут вон сколько, разве можно определить, кто преследует, а кто просто плывёт, – добавил Данила. – Может, тебе показалось, Саид?

Саид по-восточному вежливо улыбнулся и ответил:

– Как это у русских: если кажется, то надо молиться. Так жена моя, Наташа, говорит. Эта яхта и сейчас стоит недалеко от нас, в двух милях по правому борту. Только не смотрите туда, всё равно ничего не заметите, – замахал руками Саид. – А вот на нас могут обратить внимание. Поняли, мужжики?

– Поняли, поняли, – отозвались Алексей с Данилой и начали закидывать араба вопросами:

– А откуда ты знаешь? Может, ошибаешься, Саид? А зачем мы им нужны, ведь с нас и взять-то нечего? У нас что: золото, бриллианты, деньги?

– Хорошо, хорошо, – Саид примирительно поднял руки, – я всё расскажу по порядку.

В это время на палубу вылезла вездесущая Глафира, незаметно подошла к мужчинам и вкрадчиво спросила:

– Мальчишки, о чём шепчетесь? Может, посвятите в вашу тайну бедную, глупую женщину, а?

Не ожидая такого сюрприза, мужчины растерянно переглянулись, стараясь спрятать вороватые глаза от Глаши, но только Саид не растерялся:

– Что вы, уважаемая Глафира-джан, разве у нас могут быть от вас какие-то тайны! Эту тайну вы тоже должны знать, ведь вы полноправный член экипажа. Одним словом, Глаша, нас подстерегает серьёзная опасность.

Глафира округлила и расширила свои глаза до размера чайного блюдечка, отчего они стали похожими на два маленьких озера, поросших молодой зелёной ряской, и с восторгом закричала:

– Правда!? Ой, как интересно, наконец-то хоть какие-то приключения, а то вокруг только одна вода, вода, корабли и хмурые физиономии мужиков.

Глафира завизжала и закрутилась на месте волчком.

– Ну, рассказывай же, Саид, а то я умру от нетерпения и хотелки.

– Хорошо, хорошо, – сдался, наконец, Саид под напором Глафиры и начал свой рассказ. – Так вот, однажды мой помощник Абусалим сказал мне, что вокруг нашей верфи крутится какой-то подозрительный человек и выспрашивает о нашем необычном катере. Я тогда не придал этому значения – мало ли кто и чем интересуется. Может быть, это просто один из будущих моих заказчиков, которому нужна такая же яхта. Я сказал Абусалиму, чтобы он пригласил этого любопытного человека ко мне, и мы с ним всё обсудим. Но человек этот пропал. Потом к Абусалиму подошёл другой человек и стал интересоваться характеристиками яхты, её устройством и так далее.

Второй раз я заметил что-то подозрительное, когда яхта проходила испытание. Где бы мы ни были, вокруг крутился какой-то катер, с его борта постоянно через бинокли за нами наблюдали два человека. Однажды мы попытались подойти к ним, чтобы спросить, что им от нас надо, но катер вдруг сорвался с места и исчез. Мы могли бы его нагнать, ведь наша скорость почти шестьдесят узлов, но мы не стали этого делать. Тогда я приказал Абусалиму, чтобы он нашёл этих странных людей и проследил за ними. Абусалим нашёл их в портовом кафе и попытался подслушать их разговор, но они говорили осторожно и так тихо, что он ничего не мог понять. Но несколько раз они упоминали о нашей яхте, и тогда я нанял людей, чтобы они постоянно следили за ними и сообщали, что они предпринимают. Я звонил своим людям по несколько раз в день.

Саид заметил, как Алексей усмехнулся и скривил губы, спросил:

– Я сказал что-то не так, Алексей?

– Нет-нет, Саид, это я досаую на себя, что я такой дурак. – Саид удивлённо приподнял свои брови, словно спрашивая, в чём дело, а Алексей продолжал: – Ты понимаешь, я заподозрил тебя в чём-то нехорошем, я видел, как ты кому-то звонил и сторонился нас. Вот я и подумал...

Саид расхохотался так, что из его глаз брызнули слёзы. За ним захохотали и все. Наконец, Саид вытер слёзы и сказал:

– Ты мне нравишься, Алексей – наблюдательность, это хорошее качество. Ну, ладно, я буду рассказывать дальше. Когда я предложил перевезти яхту на трейлере и объяснил это тем, что за проход через канал берут большие деньги, то я преследовал совсем другую цель – оторваться от наших преследователей. И нам как будто это удалось. Я решил провести ночь в Порт-Абрахиме, чтобы затеряться там среди других судов. Но, видно, у наших преследователей везде свои люди. Я заметил на рассвете, как над бухтой кружит легкий мотопланер и что-то выискивает. Это означало, что они нас на время потеряли, и я решил, не откладывая, идти дальше. Здесь я сделал большую ошибку – надо было идти не под парусами, а на моторе. Видно, по нашим парусам нас и узнали. Когда вчера вечером мы встали на якорь, я снова увидел знакомый катер. Вот и всё.

– Но зачем они нас преследуют? – спросила Глафира. – Что им от нас надо?

– Узнал я и это, – ответил Саид. – Вчера Абусалим мне сообщил, что за нами, по-видимому, гонятся обыкновенные пираты. И нужна им, по моему мнению, только наша яхта. Я не думаю, уважаемая Глафира-джан, что они охотятся за вами, – с улыбкой добавил он.

– Это почему? – возмущённо вскинула свою кудрявую головку Глафира. – Или я, по вашему мнению, не достойна представлять слабую половину человечества в гареме какого-нибудь шейха?

– Нет-нет, что вы, госпожа, конечно, достойны, – с поклоном и в тон ей, шутливо, ответил Саид. – По всей видимости, они хотят захватить и вас и наше прекрасное судно одновременно.

Глафира расцвела от комплиментов и поиграла своими глазками, затянутыми зелёной ряской.

Агафодров задумчиво потёр подбородок и вскинул голову.

– И все-таки, Саид, я многого не понимаю. Если нас преследуют, то в моем понимании, нам надо от них убежать, а мы стоим и точим лясы. Не пора ли действовать?

– Конечно, пора! – воскликнул араб, – потому я вас и посвятил во все тонкости. А действовать будем так. Мы с вами пойдём не по фарватеру, а через Дахлакский архипелаг. Дело в том, что осадка у нашей яхты очень маленькая, и я хорошо знаю этот район, потому что не раз ходил здесь лоцманом. А у наших друзей – преследователей очень тяжёлое судно – это, видно, списанный пограничный катер, – и они вряд ли пройдут там, где пройдем мы. Самое главное сейчас – это заманить их в нашу ловушку.

– Ты думаешь, они клюнут? – спросил Алексей. – Они наверняка знают цель нашего путешествия, и потому просто обогнут острова с востока, и будут ждать нас с другой стороны.

У Саида и на эти сомнения был ответ:

– Вряд ли, друзья мои. Я никому не говорил о цели нашего путешествия, даже своему преданному Абусалиму. Наоборот, я сказал ему, что мы идём просто в круизную прогулку по Суэцкому заливу. Вот почему мы так часто останавливаемся.

– Ой, какой ты умный, Саидик! – воскликнула восторженно Глафира, прижимая свои кулачки к груди. – Это будет так интересно.

Алексей, глядя на жену, лишь покачал головой и спросил капитана:

– Слушай, Саид, а они нас не обстреляют, ведь это отморозки, чёрт знает, что у них в мыслях бродит.

После некоторого раздумья Саид покачал головой:

– Вряд ли. Зачем им портить дичь, за которой они охотятся. Но на всякий случай я приготовил кое-что. Сейчас принесу. – Через минуту он принёс кожаный портфель и раскрыл его. Вытащил из него несколько маленьких, меньше игрушечных, короткоствольных пистолетов, похожих на обрезы, которые можно было накрыть ладонью. – Вот, это травматическое оружие третьего тысячелетия, которое, впрочем, не грозит жизни.

Увидев, что Глафира схватила пистолет и стала крутить его перед глазами, Саид вскрикнул:

– Осторожнее, Глаша! Не нажимайте на курок!

Глафира вздрогнула и протянула пистолет капитану. Тот прижал руку к сердцу и с полупоклоном сказал:

– Извините, Глафира – джан, но эта игрушка не настолько безопасна, чтобы с ней играть. Она заряжена баллончиками с аммиаком, и если его струя попадет в лицо или на одежду, у человека начнётся удушье. Смертью это не грозит, но здорово выбивает противника из колеи. Вот смотрите, как это делается, – стал объяснять Саид, целясь в наветренную сторону рубки. Он нажал на курок, и из ствола цыкнула струйка жидкости. – Дальность до двадцати метров. Самое главное – это попасть противнику в лицо или на его одежду.

Все почувствовали, как запах аммиака распространяется по воздуху, и зажали носы.

– Да, душок ещё тот, – констатировал Данила. – Но против настоящего пистолета или, не дай Бог, автомата эти пшикалки вряд ли помогут.

– А мне они нравятся, один выстрел – и мужчина на полу. Класс! – наперекор заявила Глафира. – Саид, мне тоже такой нужен.

– Хорошо, – согласился Саид. – Каждая женщина должна быть защищена от чужого мужчины.

* * *

Яхта под парусами двинулась в сторону архипелага. Данила исподтишка через бинокль следил за пиратами. Ветер хлопал ладошами парусов, яхта шла, чуть наклонясь влево и зарываясь носом в голубые волны, которые качали её, словно мать родное дитя.

– Ну, как там наши «друзья»? – изредка спрашивал Саид у Агафодрова.

– И не чешутся, – отвечал меланхолически Данила. – Даже на палубе никого не видно. Может, спят ещё?

Прошло с полчаса, как яхта покинула свой рейд, вот уже и сам силуэт преследователя утонул в горизонте, и ничто не предвещало погони. Агафодров встал из-за рубки, потянулся:

– Всё, ложная тревога. Нам всё чего-то кажется, всё чего-то кажется, что между мною и тобой ниточка завяжется, – пропел он басовитым голосом.

– Не может быть, – отозвался Саид, – они что-то замышляют. Ведь не ради интереса она за нами третьи сутки гоняются.

– Дай – ка я посмотрю, – предложила Глафира и взяла бинокль у Данилы.

Она долго всматривалась в горизонт и, наконец, вымолвила:

– Нет никаких кораблей, только какая-то маленькая надувная лодка плывёт.

– Лодка? – заинтересовался Саид. – А по какому курсу она движется?

– Да прямо к нам, – ответила Глафира, не отрывая бинокль от глаз.

Саид оторвал руки от штурвала и потёр потные ладони.

– Это хорошо. – Несколько минут спустя он спросил: – А теперь они где?

– Не знаю, плохо видно. Кажется, разворачиваются. Нет-нет, – закричала Глафира, – они стоят на месте.

– Всё, теперь они наши, – заключил Саид. Он взял фордевинд и повернул резко вправо. Паруса повисли, затем хлопнули, и яхта резко накренилась на правый борт. Все поняли, что они пошли к эритрейскому берегу.

А вот и острова Дахлака, они вырастали слева, словно грибы после дождя, маленькие, большие, зелёные и скалистые.

– Ну, что там? – спросил Саид у Алексея, который заступил на свою вахту с биноклем.

– Кажется, что-то есть, – осторожно ответил Подноветный.

– А ты помолись, если кажется, – сказал капитан.

– Да точно, точно, идет за нами, – повысил голос Алексей.

Саид, застопорив штурвал, подошел к Алексею и протянул руку к биноклю.

Всматривался он несколько минут, затем отнял бинокль, поморгал глазами, словно стряхивая с них усталость, и снова стал всматриваться в горизонт. Затем со вздохом облегчения сказал:

– Это они. Ну, что ж, начнём играть в мышки – норушки. Так говорят по русски? – спросил он Глафиру.

– По русски говорят: играть в кошки – мышки, – ответила она. – Но это одно и то же, Саид. Только вот не знаю, кто из нас кошка, а кто мышка.

Слева по борту уже видны доки и терминалы эритрейского порта Массауа, горы и башенные краны. Там, на рейде, томились десятки грузовых и пассажирских судов, всюду видны паруса яхт, рыбацкие лодчонки и баркасы. Прямо по курсу яхты плывёт огромный паром до острова, на палубах которого кишат люди.

Когда яхта наших путешественников спряталась за небольшой зелёный островок, Саид приказал:

– Ну, все, мужики, – пора.

Все бросились к своим местам, и скоро паруса вместе с телескопическими мачтами были уложены, а яхта – катамаран превратилась в мощный катер. Фыркнули моторы, за кормой взбурилась вода, и катер, осев задом в воду, словно бешеный жеребец перед стартом, рванул вперед. Изумрудная вода перемежалась с голубой, там, где острова и островки располагались слишком далеко друг от друга, бурилась мелкая волна. Катер лавировал между островов, словно болид формулы-1. Обитатели немногочисленных яхт и рыбацких лодок, которые обитали здесь, разинув рты, смотрели на невиданное ими судно, которое с огромной скоростью проносилось мимо них, грозя перевернуть своей волной их крохотные судёнышки.

Обитатели катера успели заметить, как из-за оконечности островка, где они трансформировали свое судно, появился пиратский катер и бросился им вслед. Саид торжествовал.

– Если они пойдут за нами и дальше, они обязательно наткнутся на подводную скалу или окажутся в ловушке, из которой им придется выбираться целые сутки, – кричал он сквозь свист ветра.

Так они крутились между островов с полчаса, пока наблюдавшая за преследователями Глафира не закричала:

– Они останавливаются, они останавливаются!

Остановился и катер наших путешественников. Саид взял бинокль, посмотрел и сказал:

– Видно, у них тоже опытный лоцман, проверяют лотом глубину. Ну и пусть их, я знаю, что они здесь долго будут ворочаться, как медведи в берлоге. А нам, ребята...

– Почему одни ребята, – запротестовала Глафира. – А девчата?

– И девчата тоже, дорогая Глафира – джан. Одним словом, нам пора плыть своим курсом. Вперёд.

Уже к закату солнца они проскочили горловину Баб – эль – Мандебского пролива и стали уходить на восток по Аденскому заливу...

11

Питер Черрик уже полгода каждый четверг, следуя указаниям отца, ездил на съёмную квартиру и дожидался определённого часа. Чтобы не скучать, он брал с собой ноутбук, открывал карту мира и погружался в виртуальное путешествие. Такие путешествия он любил с самого детства, но будучи человеком не очень коммуникабельным, Питер предпочитал путешествовать больше в мечтах, чем в реальности. Отец много раз предлагал Петру сходить на покорение Анд, сплавиться по быстрым рекам Кавказа, побродить по Таиландским джунглям или слетать на канадские острова, чтобы увидеть белых медведей, но Пётр неизменно отвечал:

– Папа, если бы все люди, как ты, только и делали, что путешествовали, то кто бы растил хлеб, строил корабли, самолёты, автомобили, растил детей, а?

– Сынок, я считаю, что человек – не камень, он не может постоянно сидеть дома или на работе и заниматься только зарабатыванием денег. У человека, кроме необходимости пожать, одеться и согреться, есть стремление к познанию мира, самого себя, наконец.

– Я понимаю, папа, но для того, чтобы познать себя и мир, не обязательно самому лазить по горам, опускаться в глубины океана или бродить по сельве, прериям или джунглям. Эти вещи много раз проделывали до нас другие люди, их сотни, тысячи, миллионы. Сейчас такие технические возможности, что стоит только нажать кнопку – и ты можешь очутиться в разных местах Земли и даже в космосе, на любой другой планете.

– Да, ты действительно розовый мечтатель, – ответил отец. – Но ведь можно совмещать и сочетать мечты с действительностью. Неужели тебе не хочется ощутить упругость морозного ветра на заснеженной вершине, посмотреть, как плещется в болоте бегемот, проплыть на арктической льдине, спуститься в пещеру и полюбоваться подземным озером, в котором обитают необыкновенные рыбы, сталактитами, сталагмитами? Неужели не хочется, сын?

– Нет, папа, я, видно, не такой романтик, как ты. Я больше в маму, чем в тебя. К тому же, зачем затрачивать столько сил и средств, чтобы посмотреть на сталактиты или на акулу, когда одним нажатием курсора я могу переместиться в любую стихию, в любой район земного шарика. Да куда захочешь, хоть на планету У – 386 в созвездии Кентавра.

– Ну, хорошо, – соглашался отец. – В конце концов, это, может быть и к лучшему.

Пётр тогда не понимал, что имел в виду тогда отец, но сейчас, после его исчезновения, он, кажется, начинал догадываться. Пётр был очень добросовестным и ответственным человеком, и когда отец сказал, что сын должен приходить каждый четверг в эту чёртову пустую квартиру, он это делал с младенческим прилежанием.

Квартира находилась на самой окраине Нью – Йорка, в лесопарковой зоне около Беркли-Хайтса, в старой кирпичной многоэтажке. Хозяин дома не влезал в личные дела своих жильцов, иначе кто же поедет в этот район, где среди гор строительного мусора, старых полуразрушенных зданий и приюта бездомных горемык жили огромные крысы и одичавшие собаки и кошки. Приют в этом доме искали те, кто впервые приехал в город и искал работу, начинающие клерки и актеры, студенты и безработные, в котором можно было снять жильё за низкую плату.

* * *

Однажды в этот район заехал вполне респектабельный господин с яркой внешностью – рыжий, с кожей альбиноса и бесцветными глазами. Он зашёл к хозяину дома и коротко представился:

– Меня зовут Крис. Мне нужно снять у вас квартиру, но на несколько необычных условиях.

– И какие же это условия, господин Крис?

– В квартире должно быть не менее четырёх комнат.

– Извините, но для чего господину четыре комнаты? К сожалению, в моём доме лишь квартиры гостиничного типа, не больше двух комнат, в основном однокомнатные.

Этот Крис так посмотрел на хозяина своими бесцветными глазами питона, что хозяин понял – вопросы в данном случае неуместны. Понял он и другое, что если он согласится на условия этого господина, то предстоит хорошая нажива, и не нужно злить этого странного господина. Хозяин улыбнулся:

– Извините, господин, я слушаю вас.

Крис смотрел на домовладельца, словно замороженный окунь: отстранённо и равнодушно, словно того и не было в комнате, затем разжал губы:

– Как вас зовут?

– Рэнди, сэр. Рэнди Кобурн.

– Так вот, Рэнди, найдутся ли у вас две смежные двухкомнатные квартиры?

Кобурн сморщил лоб, словно решал теорему Ферма.

– Да, сэр, есть, но...

– Вот и хорошо, – перебил его посетитель. – Как вы отнесётесь к тому, чтобы соединить эти две квартиры в одну, а?

– Я понимаю ваши желания, сэр, но и вы поймите, такую огромную площадь у меня вряд ли кто захочет снимать. К тому же...

– На этот счёт не беспокойтесь, мы заплатим вам по повышенному тарифу. Кроме этого, мы перепланируем и перестроим за свой счёт. – Домовладелец пытался было раскрыть рот, но посетитель и здесь опередил его вопрос: – Мы снимем эту квартиру и заплатим за неё на год вперёд. Как, согласны, Рэнди?

Но у Рэнди и не нужно было ничего спрашивать, его лицо сияло, как отражённое в зеркале солнце.

Перестройка была закончена в рекордные сроки, и уже через две недели в новую квартиру ввезли всё необходимое для проживания. В квартире поставили современную сигнализацию и замки новейшей секретной разработки, к которым Кобурн и не знал, как подойти. Когда домовладелец потребовал сообщить, как открывается массивная бронированная дверь, чтобы в случае затопления, утечки газа или электрического замыкания в квартиру можно было войти, Крис записал номер телефона и сказал:

– В случае чего, звоните, наши люди срочно приедут и всё исправят.

* * *

... Питер Черрик «путешествовал» по интернету и ждал определённого часа. Вот стрелки настенных часов показывают семь тридцать вечера, семь сорок две, семь пятьдесят девять, восемь часов. Питер нажимает на сенсорную кнопку, и фальшивая стена в виде небольшого камина уходит вправо. Питер заходит внутрь помещения, включается свет, позади дверь закрывается. Он ничего не ждёт сегодня, потому что так происходило уже много раз подряд, когда он заходил в эту потайную комнату, ждал десять минут и затем возвращался в комнату, чтобы уйти из квартиры ещё на неделю. Но он делал это, потому что так просил его отец.

Комната очень странная: пол и потолок из непонятого изоляционного материала, из которых торчат штыри различной длины и толщины. Все они направлены в одну воображаемую точку посреди комнаты. В центре, за стеклянным большим цилиндром, на полу круг диаметром около полутора метров. Справа во всю стену размещена аппаратура, которая автоматически включается, когда Питер заходит внутрь, и начинает мигать разноцветными сигнальными лампочками, светиться мониторами и шкалами.

Но на этот раз вдруг появляется непонятный шум, похожий на кваканье лягушек и на шелест камыша на ветру. Питер, как и инструктировал его отец, включает трубку космической связи и подносит её к уху.

В кваканье и шелест врывается потрескивание, и посреди комнаты появляется что-то призрачное, тёмно-голубое и извивающееся. Питер бледнеет и испуганно смотрит на происходящее, не в силах пошевелиться от ошолобления. Треск нарастает, и это что-то превращается в человеческую фигуру. Она еще прозрачна и будто состоит из морской воды, она колеблется, словно в горячем воздухе. Постепенно фигура наполняется деталями: вот видны руки, ноги, голова, волосы, нос и уши. Вот вырисовывается одежда: шорты зелёного цвета, синяя рубашка. Ещё несколько минут, и Пётр узнает отца. Отец стоит боком к сыну и явно его не видит. Раздается искажённый помехами голос:

– Петя, ты здесь?

Петру ответные слова даются явно с трудом, он откашливается, но голос его приглушён и силен:

– Да, папа, я здесь.

– Ты не испугался, сынок?

– Я, я даже н-не знаю, папа. Я п-просто поражён, я ничего не п-понимаю. Я даже не знаю, ты это или твой призрак.

– Но ведь ты разговариваешь со мной, не так ли?

– Да, я р-разговариваю, но разве призраки могут говорить? Ты живой или...

– Не беспокойся, Петя, со мной всё в порядке. Это та самая тайна, о которой я тебя предупреждал. Ну как я тебе? – спросил отец.

– Откровенно говоря, не очень, я даже не пойму, реальность это или...

– Так я и знал, – перебил его отец. – Значит, наш аппарат ещё не доработан. Я тебя не вижу, я весь скован, будто на меня надели обручи, я не могу повернуться.

– Где ты сейчас? – Пётр почувствовал, что голос его начинает дрожать, но он справляется. – Или я во сне?

– Нет, Петя не во сне. Но и объяснить я тебе сейчас ничего не могу. Ты извини, сынок, время мое заканчивается, я обязательно ещё вернусь к тебе. Главное, ты никому ничего не говори и ничего не бойся. Ну, до следующей встречи.

Отец протянул руку для рукопожатия, спросил:

– Ты где?

– Папа, тебе надо повернуться направо на девяносто градусов. Я могу пожать твою руку?

– Конечно, ничего не бойся.

Пётр на трясущихся ногах вошёл в стеклянную будку, пожал отцу руку и ощутил её телесность и мягкость, словно она была из плоти. Внезапно он затрясся и начал спрашивать:

– Скажи, отец...

– Не надо сейчас вопросов, сынок, потому что мои ответы будут слишком странными и непонятными. Ну, всё, мне пора. А ты уходи, поскорее. Поскорее!!!

Пётр отпустил руку привидения и выскочил из цилиндра, и в тот же момент мистер Черрик стал постепенно исчезать, словно бы таять, потрескивание стало уменьшаться, пока не исчезло совсем. И скоро в комнате всё стихло.

Пётр сел на диван, чувствуя, что ноги вот-вот подведут его, и он рухнет, схватился за голову и стал лихорадочно думать: «Нет – нет, этого не может быть! Это какой-то фантом, видение, призрак, иллюзия, только не действительность. Этого не может быть. Конечно, он предупреждал меня, что это будет необычный эксперимент, но не настолько же. Питер, – приказал он самому себе, – надо прибрать мысли и привести их в порядок, иначе ты сойдёшь с ума! Ведь до этого ничего не происходило, я думал, что отец просто будет связываться со мной по телефону, а здесь... Но ведь я видел его своими глазами, я видел, как он живёт, ходит, слышал, как разговаривает, и не с кем-нибудь, а со мной! А рука! Я чувствовал крепкое пожатие его руки, я видел его усмешливую недоверчивость в глазах. Значит, это всё правда, это действительность? Но как же так: он сейчас был со мной, а его со мной нет. А что, если...»

Неожиданный звонок сотового телефона прервал его мысли. Сейчас он ждал звонка от кого угодно, только... В аппарате он снова услышал голос отца:

– Сынок, надеюсь, что нас не прослушивают. Я связываюсь с тобой по секретной связи. Сейчас помолчи и ничего не спрашивай. Всё, что ты видел, это происходило на самом деле. Помнишь, у Шекспира: «На свете много есть, мой друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам». Я просто звоню тебе, чтобы ты окончательно не свихнулся, сынок, и поверил, что всё это происходило на самом деле, что я не призрак. Ты понял?

– Понял, отец.

– До свидания. Я с тобой ещё свяжусь.

– До свидания, отец.

Но разговор между Черриком-сыном и Черриком-отцом по сотовому телефону слышал и Шелли Бёрн. Его друг и помощник, который работал в этой сотовой кампании, по его просьбе записал разговор. Бёрн очень не любил недомолвок и тайн, даже если они исходили от его заказчика, они были для него, как красная тряпка для быка. При первом же разговоре сначала с Эмили, затем с Питером, он заметил, что они чего-то не договаривают. Ну, с Эмили всё было понятно: она не недоговаривала, а просто мало что знала. Вечно занятая сама собой, она и не вникала во все подробности истории с исчезновением мужа. Все её мысли были заняты только одним – где достать денег, для того чтобы утолить желания своего бой – френда.

С Питером дело обстояло иначе: Шелли чувствовал, что тот знает что-то очень важное, и скрывает это от сыщика. Бёрн считал себя интеллектуальным профессионалом, и для того чтобы раскрыть то или иное дело, не прибегал ни к слежкам, ни к засадам, ни к погоням, ни к единоборствам. Он считал, что чем меньше противник тебя знает, тем больше ты неуязвим и свободен в своих действиях. Главным коньком его был анализ всего, что было связано с делом.

В деле Черрика у него выстроилась следующая логическая схема: господин Черрик был большим любителем путешествий – пропал он вместе с экипажем своей яхты в Атлантике, но ни одного возможного трупа найдено не было, а это означало, что все люди живы и находятся в неизвестном месте. Личная подводная лодка господина Черрика почему-то вдруг оказалась у Гренландии, и никто, ни капитан субмарины, ни родственники промышленника, не могли объяснить, для чего она там оказалась. Некто Фриц Норман, капитан сухогруза, пишет в редакцию серьёзной газеты странное письмо об острове – призраке. Один из членов экипажа воздушного лайнера тоже видит странный остров, который как будто движется и раздваивается. А тут ещё эта запись телефонного разговора мистера Черрика со своим сыном. Откуда и для чего был сделан этот звонок – это нужно было выяснять.

Очень странный разговор. Из него совершенно непонятно, отчего Питер должен свихнуться, почему он должен считать отца призраком (призрачный остров, призрачный отец, некая призрачная Линда, жена свихнувшегося капитана – не слишком ли много этих призраков?), и что происходило на самом деле, о чём говорил отец – призрак, если это был, конечно, он. И, главное, ОТКУДА вёлся этот разговор, ведь Питер видел ТАМ что-то необычное. Нужно обязательно это выяснить. Но как? Видно, придётся поступиться своими привычками и принципами и воспользоваться старыми, добрыми и надёжными методами сыщиков всех времён и народов.

Питера Черрика сыщик застал в одном кафе, где тот с усердием крошил панцирь лангуста, резал ножом розовое мясо и отправлял его в рот, не забыв при этом полить его острым соусом. Увидев Бёрна, Питер удивлённо приподнял брови и молча, не переставая жевать, показал на стул за своим столиком.

– Приятного аппетита, господин Черрик, – приторно поприветствовал Бёрн. – Вот, зашел перекусить, а тут вы.

Бёрн сделал экспресс – заказ из чашки кофе и круассанов. Подождав, когда Питер потянется за салфеткой, спросил:

– Что-нибудь нового об отце есть, мистер Черрик?

Питер улыбнулся, затем взял в руку сок и отпил глоток.

– Во первых, господин Бёрн, я не верю, что вы зашли сюда случайно, вы ведь знаете, что в это время я всегда бываю здесь. Во-вторых, именно от вас я хотел бы узнать какие-нибудь новости о пропавшем отце. Ведь это я нанимал вас на работу, не так ли.

– Это, конечно, так, мистер Черрик. У меня кое-что есть. – И он рассказал о своих наблюдениях и предположениях.

– И какое отношение этот безумный капитан и острова-призраки имеют к моему отцу? Я что-то вас не понимаю, мистер Бёрн.

Бёрн развёл руками, показывая на запястье свой блестящий амулет-браслет в виде серебряной змейки.

– Все эти события слишком чётко слагаются в одну мозаику. Не слишком ли много совпадений по времени и по месту действия?

Бёрн пытался отвести глаза от настойчивого и вопросительного взгляда Питера, а Питер положил грязную салфетку на тарелку и сказал:

– Возможно, в этом что-то есть, мистер Бёрн. Но мои новости, кажется, более оптимистичны.

– Да? – Это «да» сыщика получилось настолько наигранным, что Питер сразу понял, что Бёрн что-то пронюхал. Он задумался лишь на несколько секунд. – Теперь я точно знаю, что мой отец жив, и необходимость в ваших услугах отпадает, господин Бёрн. Расчет вы можете получить в моем офисе. Вы знаете, где это?

– Конечно, конечно, мистер Черрик, но не могли бы вы прояснить...

– Пожалуйста. Вчера мне позвонил отец.

– Да? И что же он вам сказал?

– Откровенно говоря, разговор был очень коротким и очень странным, если не сказать больше, но теперь я убеждён, что мой отец жив и с ним всё в порядке. Так что, извините, мистер Берн, мне пора.

Черрик встал и, кивнув головой на прощанье, пошел к выходу.

Видно, Шелли очень долго сидел в задумчивости, потому что к нему подошел официант, легонько тронул за плечо и спросил:

– Мистер, вам что-нибудь ещё?

– Нет, нет, спасибо.

Сидя в машине, которую он гнал в свой офис, Бёрн долго горячил свои мысли, как смелый наездник скакуна: «Нет, господин Черрик, я не проститутка, которую можно использовать, а потом выгнать! Вы плохо меня знаете. Если Шелли Бёрн берётся за дело, то он доводит его до конца. Да дело даже и не в этом. Во всей этой истории с исчезновением есть какая-то большая и привлекательная тайна, которая затягивает меня, словно водоворот. Что ж, начнём действовать».

* * *

Артур Ясбек, хороший товарищ Бёрна из сотовой компании, с которым он встретился на одной из вечеринок, выслушав его, пробасил:

– Ну, слу-ушай, Шелл, всему есть пределы. Я согласился один-единственный раз помочь тебе, но...

– Не единственный, – возразил Берн.

– Ну, не единственный. Ты что, меня шантажируешь? Ты же понимаешь, что это незаконно, и если меня на этом деле прихватят, то сидеть мне за решёткой. А тюрьма мне противопоказана. – Ясбек погладил свой живот. – Я боюсь там сильно похудеть.

– Зато какое дело, – зашептал на ухо товарищу Шелли. – Если оно выгорит, мы прославимся на весь мир. Ты прекрасный хакер, и тебя никто никогда не поймает. Ты понимаешь, чем это пахнет, Артур?

– Если тюремный запах перебивает запах мани, то я не отдаю предпочтения ни тому, ни другому, свобода дороже.

– А как же Аманда? Она ещё не распилила тебя пополам?

Супруга Артура была великая мастерица по распиливанию нервной системы мужа. Сама она занималась воспитанием четверых детей и при каждом удобном случае, когда возникала какая-то нужда, она напоминала про сексоохотливость супруга и добавляла:

– А ты не знал, что прокормить, вырастить и поднять детей тяжелее, чем поднять свой член?

Видно, об этом и вспомнил Ясбек, когда он сквозь зубы процедил:

– Ну, хорошо, искуситель, я согласен, но... Ты понимаешь, Аманда прямо завтра требует...

– Сколько?

Этот перспективный вопрос снял все недоразумения.

За последующие две недели Бёрн похудел фунтов на двенадцать. Еда на ходу, круглосуточные бдения в машине у дома Питера Черрика и бессонница сделали свое дело лучше всяких диет и таблеток для похудения. Он следил за Питером с настойчивостью одержимого маньяка. Но тот словно чувствовал это и занимался своими обычными делами и заботами: утром лёгкий ланч, в десять ноль-ноль офис, обеденный завтрак, снова офис, переговоры с бизнесменами, потом городская квартира, вечером теннисный корт или боулинг. После рабочей недели Питер уезжал на загородную семейную виллу и проводил там время на пляже, в бассейне или в библиотеке. Но Шелл заметил, что только один раз, в четверг, Питер Черрик изменял своим привычкам и отправлялся на окраину города, в один из частных домов, где проводил около двух часов. Затем он выходил из дома, садился в машину и уезжал на квартиру.

Бёрна это не насторожило – у богатых свои причуды: возможно, здесь у Питера была любовница, или он приезжал на съёмную квартиру, чтобы отдохнуть от работы и суеты. Но сегодня, именно снова в четверг, Черрик снова поехал на окраину города. Шелла насторожила эта четкость и регулярность: что понадобилось этому уважаемому джентльмену здесь, в богом забытом, запущённом и неприглядном квартале. Надо бы на всякий случай узнать...

13

Чем больше яхта продвигалась на юго-восток, тем больше свежел ветер, тем выше были волны и однообразнее дни. Особенно страдала от этого Глафира. Постепенно её первые восторги от путешествия поутихли. Поначалу, когда путешественники проходили Ормузский и Оманский заливы, она напевала про себя «мы на лодочке катались, золотистый, золотой», и пока видны были горы, города, пески, зелёные острова, она часами могла сидеть у клюза на носу мачты и любоваться прибрежными красотами, проходившими мимо судами, махала руками каждому человеку, который появлялся на палубе. Но ей почему-то никто не махал в ответ, и она это прекратила, даже однажды пожаловалась:

– Почему на меня никто не обращает внимания? Я им машу, машу, а они хоть бы что. А, Лёшк?

Алексей спокойно отвечал:

– Потому, Глашка, что ты не Ассоль, а они не капитаны Грэй. Это простые моряки и члены экипажей, они находятся на работе, а не на морской прогулке. Им не до романтической, взбаламошной девчонки, которая не то предупреждает об опасности, когда машет руками, не то хочет с ними познакомиться.

Глафира смарщивала своё прекрасное личико, взмахивала кудрями и гнусавила:

– Фи, как это пошло и буднично. – И спустилась в каюту.

На свежих, гористых волнах Аравийского моря её, по её же выражению, стала «душить морская жаба». Морская болезнь мучила Глафиру больше суток, и отступила так же неожиданно, как и пришла. За это время она не могла не то что есть, даже глотка воды проглотить. Под вечер она выползла из каюты, бледная, растрёпанная, но с кривой улыбкой, оглядев всех, сообщила:

– Ну, ребята, кажется, отпустило.

Первым отреагировал Саид, он рассмеялся и сказал:

– Дорогая Глафира – джан, ты будешь настоящим морским волком.

– Правда, а почему? – осведомилась страдальца.

– Потому что даже некоторые мужчины, молодые матросы, салаги, мучаются неделями. А ты просто молодец!

От похвалы Глафира выпрямила свой стройный стан, выпятила четырехразмерную грудь, скрытую купальником, и рявкнула:

– Матросы, равнение на меня, нового морского волка! Смир-на! Вот так. – Потом вдруг схватилась за живот. – Лёшка, спасай меня, жрать хочу. Ещё немного, и я умру от голода.

Муж, давно привыкший к её приколам, успокоил растерявшихся Саида и Данилу:

– Не бойтесь, она и вам оставит что-нибудь на ужин.

Яхта прошла каботажными путями вдоль побережья Пакистана и Индии, Лаккадивские острова и вошла в архипелаг Мальдивских островов. Измотанные суточными бдениями за штурвалом, мужчины решили зайти в столицу архипелага Мале, чтобы отдохнуть, пополнить запасы воды, пищи и топлива. Путешественники по очереди, чтобы не оставлять яхту безнадзорной, бродили по небольшому городку, обходя базары, мясные и рыбные лавки. Глафира визжала, восторгаясь поделками местных туземцев, экзотическими дарами природы и всё время спрашивала не то себя, не то Алексея:

– Может, нам остаться здесь навсегда? Здесь так чудесно, прекрасно, красиво, тепло. Здесь такие милые, приветливые жители.

– Не советую, – отзывался муж.

– Почему?

– А ты обрати внимание, как на тебя глазекот аборигены. Они думают только об одном: заманить тебя в укромный уголок, украсть, отвезти на какой-нибудь необитаемый остров, разделать, изжарить на костре и съесть.

Глафира выпятила глаза:

– Они что, людоеды?

– Вот ты их и спроси.

– А на каком языке они балакают? – всерьёз спросила Глаша.

– Точно не помню, но, кажется, на дивехи. Знаешь такой?

– Нет, – растерялась Глафира. – Может, они английский знают, или русский...

Когда утрясли все дела, было решено остаться ещё на сутки, чтобы каждый мог выспаться на берегу. Для этой цели недалеко от порта сняли хижину, сплетённую не то из тростника, не то из пальмовых листьев. Во вторую смену спали Алексей с Глафирой. Глаша, видно, соскучилась по земному покою, открыв рот, она храпела так, что её храп был похож на рёв паровозного гудка. Алексей почти не спал, перемежая ночной отдых дремотой и бдением. В одну из тех минут, когда, открыв глаза и глядя сквозь неплотный потолок шалаша на звёзды, он услышал чьи-то крадущиеся шаги. Взяв лежащую рядом для отпора нежелательных гостей дубину, он подполз к выходу и встал у проёма. Затаив дыхание, долго ждал. Нет, видно, обманулся, спутав шелест гальки на берегу от набегающих волн с шагами. Алексей хотел прилечь, когда снова услышал осторожные шаги. Вот они совсем рядом. Он поднял дубину, но в этот момент услышал голос Агафодрова:

– Эй, голубки, просыпайтесь. Слышите?

Алексей вышел из хижины, шёпотом спросил:

– Ну, чего тебя по ночам носит, моя принцесса ещё не выпалась.

– Давайте на яхту, Саид зовёт.

– Что случилось-то?

– Давайте быстрее, там всё объясним.

Сонная Глафира, шатаясь, шла по песку и то и дело спрашивала:

– Мальчики, а куда это мы?

В конце концов, это так надоело Даниле, что он огрызнулся:

– На кудыкину гору. Знаешь такую?

На яхте Саид разъяснил обстановку:

– Вобщем, так, нам пора сматываться. В порту появились те, кого я не ждал. Помните катер, который гнался за нами от самого Египта? Так вот, он тоже здесь появился. Ума не приложу, как он нас нашёл и что ему от нас надо. Так что мы прямо сейчас отходим и попытаемся от него оторваться.

– Слушайте, мальчики, может быть, нам стоит с ними встретиться и переговорить? – выдала очередной вопросительный шедевр Глафира.

– Ещё не хватало, чтобы они взяли нас в заложники! – отрезал Данила. – Сматываться надо, правильно говорит Саид.

– Такое впечатление, что эти пираты знают, куда мы идём, – снова заговорил Саид. – Поэтому, друзья мои, сделаем так: в Коломбо не пойдём, а рванём по семьдесят третьему меридиану на юг до архипелага Чагос, а потом повернём резко на восток до Суматры. Как вам такое предложение?

– Ты у нас капитан, тебе и решать, – мудро согласился Данила. – А сколько это займёт времени?

– Думаю, при благоприятной погоде суток за трое дойдём до Джакарты, – ответил Саид. – Решено?

– А как с погодой, что передают метеорологи? – спросил Алексей.

– Во всяком случае, на неделю вперед прогноз благоприятный, – ответил Саид. – Но в субтропиках погода, как капризная невеста: сегодня смеётся, а завтра...

– Решено, вперёд, – за всех решила бесстрашная Глафира.

– Слушаюсь, Глаша – джан, – в шутку ответил Саид и пошел в рубку.

До рассвета оставалось ещё часа два, и тёмная экваториальная ночь, которая освещала яхту лишь звездами да огромной луной, помогла беглецам выйти на парусах из небольшой бухты и скрыться между крохотными островками, усыпавшими этот отдалённый уголок Земли, словно бисером.

Глафира почти не выходила из каюты и постоянно ворчала:

– Нет, Лёша, не так я представляла себе это путешествие. Я думала, что мы будем останавливаться в каждой стране и знакомиться с его достопримечательностями, а мы бежим от этих пиратов, словно кролики от удава. И вообще, зачем и куда мы плывём?

– Ты же сама хотела приключений, – лениво отзывался Алексей, – вот и получай. И вообще, Глашка, заткнись, а! Конечная цель у нас – Австралия, и ты это знаешь. Вот доберёмся туда, и наслаждайся экзотикой, сколько её в тебя влезет.

Но Глафира его будто и не слышала, нудила и нудила:

– А океан! Я думала, что он тихий, ласковый, как котёночек, плывешь по нему, словно по озеру, а вокруг такая красота. А тут вечные волны, качка, серость и пустота, будто мы в пустыне, только водной. Надоело смотреть на этот колеблющийся горизонт, на серое небо, на эти колючие звёзды, равнодушную луну и перевернутый месяц – неродной какой-то. Надоела жара. А душно-то как, Господи, из меня словно кто-то выкачивает кислород. – Внезапно Глафира споткнулась, прислушалась. – Слушай, Лёш, а ведь мы, кажется, стоим.

В этот момент сверху что-то стукнуло, и раздался голос Агафодрова:

– Вылезайте, затворники!

Когда супруги поднялись на палубу, Данила показал им на северо-восток:

– Смотрите. Какая красота!

– Ой, – восторгалась Глафира. – Лёш, мы, наверно, в раю!

И верно, погода напоминала сейчас идиллию. Ветер почти стих, еле-еле напрягая паруса яхты, только набегающие откуда-то волны напоминали, что они находятся посреди океана. Просолённый ветер был прохладным, словно его охлаждал невидимый гигантский кондиционер. Предвечернее солнце было похоже на маленькую оранжевую, раскрашенную тарелку,

висящую на светлой стене, которое не излучало никакого сияния. И напоминало оно ровный желтый диск с пейзажа о зарождении жизни на Земле. А на северо – востоке горными цепями поднимались разноцветные гряды облаков. Ближе к зениту они напоминали голову златокудрого ребенка, чуть ниже они были рыжими, красными, светло-сиреневыми, а затем, ниже к линии горизонта, переходили в зелёные, синие, фиолетовые, темно-лиловые и чёрные. Эти горы жили, менялись на глазах, сдвигались, перемешивались.

Глафира визжала, похлопывая в ладони и прыгая:

– Глядите, глядите, мальчики, вон лошадка. Видите, вон и голова, и грива, и хвост. А вон там, чуть ниже, ползёт черепаха. Господи, какая же она огромная! А вон Гималаи. Лёш, помнишь Гималаи, мы там с тобой были.

В этот момент весь этот пейзаж перечеркнула голубая извилистая линия, затем ещё одна, голубая – молния.

– А вон кораблик, только он маленький какой-то, – закричала Глафира.

– Где кораблик? – с тревогой спросил Саид, стоящий у руля.

– Да вон же, вон, – показывала пальцем Глафира, – у самого подножия голубой горы.

Саид нервно снял с крючка бинокль и поднёс к глазам, затем прорычал:

– Шайтан, откуда они взялись! Они опять нас вычислили.

– Кто они? – спросил Алексей.

– Да эти же пираты, наши преследователи.

– Но этого не может быть, – отозвался Данила.

– Ещё как может, – ответил Алексей. – Тут они нас и возьмут голенькими руками, чёрт бы их побрал. – Он сжал пальцами подбородок, потом повернулся к капитану. – Слушай, Саид, а ты систему навигации постоянно держишь включенной?

– Конечно, а как же, так и должно быть, – ответил Саид, – не по компасу же мне идти.

– Вот по ней нас и находят. Значит, у них тоже ГЛОНАСС, а она, как ты понимаешь, совместима с ДжиПиЭс. – И предложил: – Выключай её к чёртовой матери! – Потом показал рукой вдаль. – А впрочем, теперь уже поздно.

Все увидели, как пиратский корабль приближается к ним с ужасающей скоростью.

– Шайтан, я об этом не подумал! Я был уверен, что они используют американскую ДжиПиЭс, – сокрушался капитан, а потом с грустью добавил: – Но сейчас пираты не главная опасность. Опускаем паруса! – закричал Саид. – Будем уходить на моторах, тогда они нас не догонят. Быстро, быстро!

Когда спустили паруса и закрепили штанги мачты на корпусе, Саид, глядя на грозное видение неба, постоянно повторял:

– Ой, беда будет, ой, беда будет. И спрятаться негде, ни одного островка. Ой, беда будет.

– Какая беда? – спрашивала Глафира неизвестно кого. – О чём это он?

А ветер становился всё сильнее, волны всё круче. Откуда-то издалека, словно из огромной утробы, стали доноситься странные звуки, похожие на плач ребёнка и материнские стенания. Ветер наполнился резкими порывами, чёрные тучи, то раздираемые ветром, то снова сбивающиеся в кучу, словно огромная отара баранов, проносились над головами путешественников. Волны уже не бежали чередой, а с грохотом сталкивались тёмными лбами, выбрасывая вверх клочья пены, и создавали трудно переносимое шипение, словно в один клубок сплелись тысячи и тысячи змей, вода кипела, будто в огромном котле. Яхта то с трудом взбиралась на гребень волны, то падала вниз, словно в пропасть.

– Что это? – уже не спрашивала, а кричала Глафира.

– Это рождается восточный дракон – тайфун, – ответил Саид. – Так называют его в Китае и Японии. В Австралии их называют вилли-вилли, в Америке торнадо, а на Филиппинах – бегвизами. Но это одно и то же, переводится это как сильный ветер, большой ветер. Надо уходить от него, скорее уходить. Если он направится к нам, то всё – конец.

Глафира еще ни разу не видела бледного араба – лицо Саида превратилось в серую маску с широко раскрытыми глазами, где в больших озёрах белков плавали чёрные горошины зрачков. Капитан посмотрел на Глафиру, еле держащуюся на ногах, улыбнулся ей и закричал, пытаясь перекричать грохот и шипение волн:

– Глафира – джан, спускайтесь вниз, вам здесь делать нечего, там спокойнее. Все спускайтесь! – закричал он.

– Я останусь с тобой, – спокойно сказал Данила Агафодров. – Может, чем помочь надо будет.

Алексей с Глафирой вышли из рубки, с трудом добрались до люка, отдраили его и спустились вниз. Темно, мотает, волны молотом ударяют в борта, отчего внутри такой грохот, что глохнут уши. И сразу же создается впечатление, что оба они попали в огромный металлический кокон, плывущий по воле стихии неизвестно куда. Во-первых, было темно, только в двух иллюминаторах, когда катер подбрасывало на гребень волны, появлялся сизый проблеск, а затем снова сгушалась темнота. Молоты волн с вселенским грохотом, так, что закладывало уши, ударяли в борта – так невидимый молотобоец ударяет по консервной банке, пытаясь сплющить её в листок. Мотало так, будто игривый ребёнок бросал шарик на резинке, то опуская, то ловя его.

Чтобы хоть как-то удержаться, Глафира с Алексеем держались за поручни, прикрепленные к стенкам, обнимая друг дружку и цепляясь вторыми руками за края дивана.

– Боже, – стонала Глафира, – когда кончится это безумие. Мы словно два цыплёнка в одном яйце.

– Потерпи, потерпи, родная, – отвечал Алексей, – скоро всё это закончится. Такие штормы долго не продолжаются.

– Ты уверен?

– Я это знаю точно.

– Гляди, гляди, – закричала Глафира, показывая на иллюминаторы, – там... Видишь?

Алексей с трудом добрался до иллюминатора и стал вглядываться в темноту. Как только яхта поднималась на гребень волны и моторы начинали визжать, когда гребные винты оказывались в воздухе, вдалеке он видел проблески огней. Что это, сразу определить не мог, но чем больше он вглядывался в них, тем больше в нём росла уверенность, что это пираты подбирались к ним.

– Что, это, Лёша? – тревожно спросила Глафира.

Чтобы не беспокоить жену раньше времени, он осторожно ответил:

– Не пойму что-то, кажется, это отблески молний. – И чтобы совсем отвлечь её от тревожных мыслей, спокойно предложил: – Давай на всякий случай оденем спасательные жилеты, Глаша.

– Это что, так опасно?

Алексей вдруг взорвался – он знал, что в таких случаях Глафира начинает теряться:

– Вечно ты со своими дурацкими вопросами! Причём здесь опасность! Так, на всякий случай, знаешь: бережёного и Бог бережёт. Давай, одевайся, хватит канючить и паниковать!

– А. Ну, если на всякий случай. Понятно. Хорошо, – бормотала беспомощно Глафира.

Алексей достал из рундуков спасжилеты, сначала помог натянуть его на жену, потом надел сам.

– Лёш, это обязательно? – стонала Глафира. – Мне в нём неудобно.

– Зато тепло и мухи не кусают, – грубо оборвал Алексей жену.

Глафира притихла, а он с тревогой наблюдал за огнями за иллюминаторами. Кажется, пираты потеряли их: вот огни за бортом стали постепенно меркнуть, а потом исчезли совсем. Алексей облегчённо выдохнул и про себя перекрестился – слава Богу, кажется, пронесло.

Шторм не ослабевал, огромные волны качали на своей груди случайное дитя, свистел ветер, словно убаюкивал его. Теперь яхту бросало не так беспорядочно, как несколько часов

назад, появился ритм – вниз, вверх, вниз, вверх. Алексей посмотрел на Глафиру, распластавшуюся на диване – кажется, она спала. В этот момент он услышал, как их помещение наполняется каким-то непонятным жужжанием, создавалось впечатление, что пчелиный рой внезапно вылетел из улья и заполнил всё пространство. Жужжание усиливалось всё больше и больше. Что это? Вслед за жужжанием Алексей ощутил нарастающие колебания. Он уже понял, что это, сорвал со стены трубку переговорного устройства, чтобы связаться с мостиком. И тут страшный удар опрокинул его, потом оторвал от пола, бросил на стенку. В последнее мгновение он услышал скрежет металла, чьи-то еле слышимые крики и потерял сознание.

14

Шелли Бёрн понял, что просиживать дни и ночи у дома Рэнди Кобурна смысла нет. Зачем, если можно подождать до четверга, к тому же конец августа выдался на редкость холодным. Зачем зябнуть в машине и питаться сухим пайком, терять свои нервы и здоровье, когда можно провести время в своё удовольствие.

Под удовольствиями Бёрн понимал совсем иное, чем обычные люди, для него это была работа. Поэтому он решил посетить Бена Ремпеля. В отделе новостей была очередная запарка. Ремпель носился между столами своих сотрудников и кричал:

– Если вы через два часа не заполните новостные квадраты, я всех поувольняю к чёртовой матери! Ты что там понаписал, развёл жижу, мне нужен сгусток, а не дрисня! Хватит пить кофе, по тебе скоро можно будет гадать!

Увидев улыбающегося Шелла, он развёл руки, а потом показал ими обоими в сторону своего кабинета. Закрыв за собой прозрачную пластиковую дверь, шлепнулся в кресло, смахнул с лица пот.

– Извини – запарка. Ты по делу? – Он закурил, пожаловался: – У меня, Шелл, самый тяжёлый отдел. Понимаешь, если другим, чтобы заполнить страницу, достаточно поставить три – четыре материала, то мне надо полсотни. И таких, чтобы читателя с ног сшибало. – Он засмеялся. – Так ты по делу?

– Конечно, Бен, иначе я не стал бы отрывать тебя от дела. Скажи, тебе не приходило ещё письмо от этого сумасшедшего капитана?

– Какого капитана?

– Ну, ты помнишь, наверно, он писал в вашу редакцию об острове-призраке.

– А, кстати! Нет, письма он не писал, но приходил сам. – Ремпель снова рассмеялся. – Чудак, ему мнится, что он видел на этом острове свою погибшую жену. Представляешь, видел ту, которой нет на том, чего не существует.

– А о чём он говорил? – поинтересовался Бёрн.

– Спрашивал, почему мы не напечатали его письмо.

– А он?

– А он, мягко говоря, рассердился. Он у меня чуть не перевернул стол и не разбил компьютер. – Снова смех. – Охрана еле утихомирила и выпроводила его.

– Адрес его не знаешь?

– Какой может быть адрес у моряка – мировой океан. – Бенджамин задумался. – Хотя нет. Он сказал, что если он мне понадобится, то их корабль будет стоять под разгрузкой в порту ещё две недели. Представляешь: если он мне понадобится! Вот умора!

Стотысячный сухогруз «Дурбан» Шелл нашёл довольно быстро – на фоне остальных судов, пришвартованных к пирсу, он напоминал слона среди бегемотов. Спросил у дежурного матроса, прислонившегося к трапу, где найти капитана.

То цыкнул слюной под ноги, бросил сигарету и меланхолично спросил:

– Зачем он тебе?

– Он мне нужен по делу, – как можно вежливее ответил Бёрн.

– По делу? А ты думаешь, я здесь бездельничаю? – неожиданно взорвался матрос. – А ну, топай отсюда!

Шелл уже заметил, что дежурный матрос не выспался, а его опухшая физиономия напоминала красный фонарь светофора.

– Слушай, приятель, мне совсем не хочется с тобой ругаться, у меня голова раскалывается после вчерашней вечеринки, – начал жаловаться детектив. – Может, сядем в мою машину и поговорим в ней. Там у меня есть бутылочка бурбона.

Бёрн видел, как замялся матрос, посмотрел вверх, крикнул:

– Эй, Бас! – Через борт свесилась голова негра. – Я отойду на минутку с этим господином.

Голова кивнула и снова исчезла. Когда сели в машину, Бёрн достал из перчаточного ящика бутылку и протянул её матросу. Тот отвинтил крышку, сделал несколько глотков и протянул бутылку Шелли. Тот тоже сделал глоток, спросил:

– Так где же найти вашего капитана, приятель?

Матрос сделал ещё глоток, икнул и уже более довольным голосом прорычал:

– Его уже два дня нет. Может, тебе с помощником поговорить, а?

– Нет – нет, мне нужен именно капитан Норман.

– Так ты его знаешь? – Матрос заворочался так, что сиденье под ним закрипело и сдвинулось. – Ты с ним осторожнее, он немного того. – Матрос покрутил у виска и присвистнул.

– Да? Я не знал, – ответил Бёрн.

– Точно, так и есть. Последние полгода он почти не спит, и днём и ночью стоит у борта и смотрит, и смотрит в море. Свихнулся, видно, наш капитан после смерти своей жены. Наш врач, Аренс, говорит, что у него галлюцинации, видения разные. Одним словом, зомби. Ах, чёрт, вот и он, легок на помине, – засуетился матрос и стал вылезать из машины с недопитой бутылкой в руке. – Я у тебя возьму это, приятель.

– Заслужил, бери, – ответил Бёрн.

Матрос сунул плоскую бутылку за отворот форменной тужурки и побежал к трапу. Шелл увидел, как от козлового портового крана приближалась некрупная фигура капитана. Его бороду трепал ветер, а паучья походка выдавала старого моремана. Когда капитан поравнялся с машиной, Бёрн окликнул его:

– Господин Норман?

Тот остановился, спокойно посмотрел на детектива, ответил:

– Да, это я. Что вам нужно, кто вы?

Бёрн решил сразу обрубить все недоумения:

– Я по поводу вашего письма в редакцию.

Шелл вглядывался в лицо, в глаза капитана, чтобы найти хоть какие-то признаки ненормальности, но так и не нашёл их – глаза были умными, спокойными и ясными, а лицо не выдавало никакого волнения.

– Вы кто? – спросил Норман.

Бёрн представился осторожно, зная, что детективов не очень-то любят:

– Бёрн, сотрудничаю с газетами. Я читал ваше письмо, господин Норман, и очень заинтересовался вашими сведениями.

Фриц усмехнулся:

– Вы тоже считаете меня сумасшедшим?

– Нет, нет, совсем нет, господин Норман. Вот, посмотрите. – Он протянул ему номера газеты, где с его подачи были раскрыты факты из письма капитана.

Норман просмотрел материалы и скривился:

– Бульварная газетёнка, кто ей поверит. Это всё рассчитано на любителей сенсаций, клубнички, постельного белья и прочего. – Капитан пристально посмотрел на Шелла. – Вы знаете кафе «Попугай»?

– Где это?

– Здесь недалеко, за углом. Если хотите что-то узнать, то подождите меня там. Договорились?

Норман пришел не один, с ним был тот самый матрос-негр, которому кричал дежурный у трапа. Они сели за столик, который занял до этого Бёрн. Капитан познакомил детектива с матросом:

– Это Бас.

– Очень приятно, Бас, – ответил Шелл. – Бёрн. Можете называть меня просто Шелли.

– Покажи ему, Бас, – сказал капитан.

Матрос достал из внутреннего кармана куртки пакет, вынул из него с десяток фотографий и разложил на столе. Бёрн разглядывал их несколько минут. На них была запечатлена поверхность моря, над которой возвышался остров. Остров как остров: зелёный, мили полторы-две в длину, напоминавший огромного кита с поднятым хвостом, разве что фонтана не было. И остров, судя по конфигурации был одним и тем же. Бёрн с недоумением спросил:

– И что здесь необычного? Остров как остров. Таких в океане тысячи.

– Это верно, – откликнулся Норман. – А вы посмотрите время съёмки.

Даты и время съёмок действительно были разными, но и в этом Бёрн не усмотрел ничего необычного.

– Ну и что? – спросил он.

– Бас, – обратился Норман к матросу, – покажи.

Матрос достал из кармана несколько листов бумаги, развернул их и снова положил на стол. Сыщик просмотрел ксерокопии судового журнала и тоже не нашёл в них ничего необычного. Вахту принял такой-то, прошли мыс такой-то, разошлись с танкером по правому траверзу, ширина, долгота. Ну и что? Бёрн так и спросил.

– А то, господин Бёрн, – пояснил Фриц Норман, – что если сравнить записи в судовом журнале и время съёмки, то получается, что этот остров появляется в разное время и в разных местах.

Бёрн похолодел от неожиданности, он схватил фотографии, записи из судового журнала и лихорадочно начал их сравнивать. Получалось, что остров двадцать четвертого апреля находился юго-западнее Австралии, у островов Сен-Поль и Амстердам, тринадцатого июня южнее острова Тасмания, а через месяц на траверзе австралийского мыса Натуралиста. Шелл почувствовал, как из холода его бросило в жар, потом он почувствовал во всем теле оцепенение. Он еле разжал губы, чтобы произнести:

– Этого не может быть. – И еще раз: – Этого не может быть.

Потом вдруг спросил:

– А снимки не подделаны? – Видя, как усмешка поплыла по лицу Нормана, и, чувствуя, что перегнул палку, добавил: – Я имею в виду, господин Норман, что, может быть, барахлит фотоаппаратура? Ведь это же... – Он хотел добавить «сенсация». Но вовремя поправился: – Ведь это же невероятно.

И уже быстро-быстро, торопливо:

– Вы не могли бы отдать мне эти материалы?

– Но вы же не верите, зачем вам они, – уже с открытой насмешкой ответил капитан и сказал матросу: – Бас, спрячь это и никому больше не показывай без моего разрешения.

– Но, – хотел, было возразить Бёрн, но Норман его перебил:

– Для вас это просто сенсация, господин журналист. Хотя я не уверен, что вы именно журналист, – неожиданно добавил Фриц. – А для меня это нечто большее, может быть, вся моя дальнейшая жизнь. – Он встал. – Одним словом, господин Незнаюкто, если вы захотите серьезно поговорить со мной, то вот вам мой телефон. – Норман положил на стол свою визит-

ную карточку. – А по пустякам прошу вас меня не тревожить. Иначе, это будет наш последний разговор. Пошли, Бас.

Бёрн только скрипнул зубами, видя через окно кафе, как удаляются капитан и матрос. Он сейчас корил себя за так несвойственную ему несдержанность, но, как говорят, индейка на столе, и её уже не помилуешь.

* * *

... После того как Питер Черрик покинул квартиру, Бёрн вылез из машины и направился к дому. Входная дверь по крысиному завизжала, осела и стукнула ослабевшими петлями. Кое-как закрыв её за собой, Шелл увидел престарелого консьержа, который в упор смотрел на него из-под очков, держа перед собой газету. Он ничего не спрашивал, просто смотрел с укором на посетителя, который оторвал его от очень важного дела, и всё. Он даже не шелохнулся, когда Бёрн подошел к самому окошку и сказал:

– Добрый вечер.

На всякий случай консьерж разлепил губы:

– Господин хочет снять квартиру?

Сразу смекнув, что «нет» закроет ему путь сюда навсегда, Бёрн лишь кивнул и спросил:

– Мне нужно поговорить с хозяином.

– Его сейчас нет.

– Как скоро он появится?

– К утру, может быть, – ответил немногословный. – Но если господину нужна комната или квартира, то помочь смогу и я.

Поняв, что загнал себя в собственную ловушку, Бёрн просунул голову в окошко и доверительно шепнул:

– Милейший, у меня к твоему хозяину очень выгодное предложение, и если он узнает, что ты...

Мужчина сразу же встрепенулся, засуетился, не зная, куда деть газету, привстал, потом плюхнулся на стул, затем окончательно встал, пробормотав:

– Так бы сразу и сказали. Я сейчас... Он просил не беспокоить... Я сейчас, быстро, – всё бормотал он, набирая номер телефона несгибающимися толстыми пальцами.

– Господин Кобурн, прошу извинить, но здесь, – начал было консьерж.

Бёрн слышал, как в ответ прозвучало гневное:

– Я же просил, чёрт тебя побери, сегодня меня не беспокоить! Ты что, снова хочешь вернуться к своей старухе в клоповник! Я тебя...

Бёрн отвернулся, чтобы не смущать консьержа, который, то и дело поглядывая на важного посетителя, постепенно стал краснеть и неловко крутить головой. Прикрыв трубку рукой, он стал что-то объяснять хозяину. Потом положил трубку и важно, как будто ничего не произошло, сказал:

– Господин просит вас подняться. Второй этаж, от лифта направо.

Хозяин встретил Бёрна в дверях прямо в халате в розово-красный квадрат, пригласил присесть за стол, предложил:

– Что господин, господин... – Кобурн вопросительно смотрел на посетителя.

– Верхайден, – подсказал Шелл, представившись вымышленным именем.

– Что желает господин Верхайден: пиво, херес или...

– Или ничего, господин Кобурн, – ответил Бёрн и пошел сразу в атаку. – Видите ли, господин Кобурн, я сотрудник службы безопасности. Нас интересует один из ваших клиентов, который снимает у вас квартиру.

Бёрн заметил, как хозяин сразу сник, втянул голову в плечи, а глаза его беспокойно забегали. Было сразу заметно, что пастор не отпускал ему грехи много-много лет.

– У меня много постояльцев, но все они добропорядочные люди, – начал оправдываться хозяин. – Я ничего такого не замечал, чтобы...

– А вы и не должны были этого замечать, господин Кобурн, – строго прервал его Бёрн. – Мне нужно просмотреть список ваших жильцов.

Кобурн быстро вскочил со стула, убежал в другую комнату и тут же вернулся с журналом в руках:

– Вот, прошу.

Пока Бёрн просматривал журнал, Кобурн стоял перед ним, нервно перебирая пальцы. Фамилии Черрика в журнале не было, Бёрн небрежно бросил журнал на стол и сказал:

– Так я и предполагал, он поселился у вас под вымышленным именем. – Краем глаза Шелл заметил, как вздрогнул хозяин при этих словах, и решил добить его: – Я ищу господина...

Бёрн стал подробно описывать внешность Питера Черрика, пока Кобурн не закричал:

– Да, да, господин Верхайден, у нас есть такой жилец! – Кобурн понизил голос. – Странный он какой-то, это я вам точно говорю. Постоянно не живёт, приходит только по определённым дням, посидит несколько часов и снова уходит. Странный, очень странный господин. Но я тут ни при чем, господин Верхайден, жилец он смирный, аккуратный. Да, вот ещё что, его агент за свой счёт сделал перепланировку, переделали две квартиру в одну, да. И ещё: он заплатил за целый год вперёд. Странный господин.

– А кто убирается в этой квартире? – спросил Бёрн.

– В том-то и дело, что никто, – горячо подхватил Кобурн. – Это было одним из его условий. А мне всё равно, господин Верхайден, ведь вы же меня понимаете – меньше хлопот.

– А запасные ключи у вас есть? – повысив голос, спросил детектив.

– Клянусь святой Марией, – перекрестился хозяин, – все ключи он носит с собой. Он даже дверь там бронированную поставил, туда не забраться.

Бёрн встал.

– Покажите, где находится эта квартира.

– Хорошо, хорошо, господин Верхайден, – засуетился домовладелец, – это на третьем этаже. Пойдёмте, я провожу вас.

Дверь в квартиру напоминала собой вход в банковское хранилище. Бёрн осмотрел замки, коды и с первого взгляда понял, что путь сюда ему закрыт. Уходя, Бёрн тихим голосом, зная, как он действует на типов с неорганизованной психикой, предупредил:

– О нашем разговоре, господин Кобурн, не должна знать ни одна живая, ни одна мёртвая душа. И тем более об этом не должен знать и жилец этой квартиры. Всего вам доброго, Кобурн.

15

Алексей очнулся от страшной духоты, его лёгкие вбирали в себя не кислород, а какую-то адскую смесь. Открыв глаза, при свете маленькой аккумуляторной лампочки он обнаружил, что лежит не на полу каюты, а на иллюминаторе. Первой мыслью было: «Почему на иллюминаторе?» Он попытался сдвинуться с места, но острая боль в голове заставила его снова лечь. Он ощупал голову, поднёс ладонь к глазам и увидел на ней густую кровь. Она уже запеклась, рану саднило, во всём теле ощущалась страшная слабость, будто он полмесяца голодал. Попривыкнув к своему положению, Алексей снова осторожно поднял голову и стал переворачиваться на бок. Удалось это не сразу. Он посмотрел на иллюминатор и сразу понял, что их судно лежит на боку и там, за стеклами, вода.

В каюте всё перевернулось: задраенный люк находился сбоку, откидные сидения, столики и диваны, висели на потолке. Диван, на котором он сидел с Глафирой, висел вертикально, холодильник просто лежал под его ногами и тихо урчал. Глафира, Глашка, где же она?! Алексей стал осматриваться, но жену так и не нашёл. Внутри у него всё похолодело от страшного предчувствия беды. Но ведь они были вместе до последней секунды! Алексей напряг голосовые связки, но из сухого рта вместо имени жены вырвался лишь гусиный гогот:

– Га, га, га...

Он оглядел каюту снова и вдруг увидел торчащие из проёма кладовки голые ноги. Алексей мог бы их узнать из тысячи – это были ноги Глафиры. Он подполз к ним и тронул их рукой. Ноги непроизвольно дёрнулись и скрылись. Алексей облегчённо вздохнул – жива! Он снова схватился за ногу и сильно дёрнул её. Раздался Глашин голос:

– Ну, чего тебе, дай поспать, а! У меня голова, как арбуз, трещит.

Если бы Алексей мог засмеяться, он бы сделал это, но сейчас он только усмехнулся про себя и подумал: «Вот чертовка, спит и в ус не дует». Поворочав во рту сухой язык, Алексей вспомнил про воду – есть ли она? Он подполз к раковине, повернул шаровой кран – ура, вода есть! Нашёл на стенке, теперь уже на полу, пластиковый стаканчик, налил полный и выпил. Хорошо, будто бы и голова не болит. Попробовал произнести детскую скороговорку:

– Колабли лавилали, лавилали, да не выла... Ничего, сойдет.

«Надо попробовать встать, открыть люк, а то тут такая вонь. Отчего она?» – подумал Алексей. Встать сразу не смог – мешал спасательный жилет с карманами, напичканными разными необходимостями. Но снимать его пока не решился. Повернул ручку отдраечного механизма люка: сначала что-то хлопнуло, протекла вода и остановилась. Повернул ещё и почувствовал, как в нос ударил свежий морской воздух, который невозможно было спутать ни с одним земным воздухом. Открыл люк полностью и высунул голову. Голубая колышущаяся пустыня предстала перед глазами во всём великолепии: огромное, высокое голубое небо сливалось с горизонтом со всех сторон, кое-где оно было смазано перистыми мазками облаков; волны, тягучие и живые, хлопали о борт, вернее, об палубу, под самым носом, обрызгивая лицо. Алексей дышал и не мог надышаться.

Он повернул голову наверх и увидел торчащие, словно стволы артиллерийских орудий штанги, которые когда-то соединяли два корпуса катамарана – яхты. Алексей долго вглядывался в поверхность океана, пытаясь найти вторую половину судна, но ничего так и не увидел. Посмотрел направо: смятый нос напоминал консервную банку, сплюсненную сапогом великана – чудо, что не распороло борта, и их не затопило. Слева неестественно, вбок, торчали лопасти винта. Выходит, что пираты таранили их прямо в лоб и разрезали катамаран пополам. Данила, Саид! Где они сейчас: на дне океана или плывут сейчас так же, как и они. А может, их захватили пираты, и пытаются сейчас. Живы ли они, здоровы ли? Алексей отогнал от себя мрачные мысли – чушь! с ними всё в порядке. А вот с нами... Где мы?

Видно, от свежего воздуха Глафира пришла в себя, вылезла из своей конуры, где лежали надувные плоты, палатки, одеяла, подушки, упаковки с водой и прочие необходимости для путешествия. Она аппетитно потянулась, выпятив грудь и закинув руки почти за спину, и произнесла свое сакраментальное и вечное:

– Лёш, я есть хочу.

На этот раз Подноветный препираться и шутить не стал, он и сам чувствовал, что пустота в животе требует наполняемости, спросил:

– Ты как, не ударилась, как чувствуешь себя?

Юмор и на этот раз не покинул женщину:

– Каком кверху, вот как я себя чувствую. – Только сейчас она удивлённо посмотрела на висящие двери, на лежащий холодильник, на люк сбоку, в которое заглядывало солнце, на иллюминаторы под ногами. – Боже, это что, мир перевернулся, да?

– Успокойся, Глаша, это мы перевернулись, а не мир. Мир, слава Богу, ещё стоит на своих слоновьих ногах, как и положено по древним представлениям.

– А где же... – Она прошла по качающейся палубе – стенке. – А где же Агафодров, где же Саид?

Алексей удивлённо и с подозрением посмотрел на жену.

– Ты что же, ничего не помнишь?

– Нет, я заснула. Я только помню, что нас сильно качало, а потом подбрасывало, потом снова качало. И потом, я видела сон, будто я куда-то лечу. – Глаша стала ощупывать рёбра, ноги, лицо с синяками. – Слушай, муж, у меня всё болит. Может, я и правда летала, а потом наткнулась на какую-нибудь стенку?

– Успокойся, родная, побереги нервы, вот сейчас поедим, а я тебе всё расскажу, – успокаивал Алексей жену.

Они поели то, что послал им холодильник: мясные консервы, сыр, колбасу, запили все минералкой, а Алексей постепенно, исподволь вводил жену в курс событий. Алексей ждал чего угодно – истерик, слёз, ругани, но Глафира спокойно слушала, жевала пищу, отвлечённо глядя в отверстие люка, а затем вздохнула:

– Всё, теперь меня точно с работы уволят.

Алексей смотрел на неё, разинув рот и пытаясь постичь женскую логику, но она оказалась для него, как всегда, непостижимой, как вечный вопрос о курице и яйце. Лишь минут десять спустя Глафира спросила:

– Что же нам делать? Где мы сейчас? Куда нас несёт?

Алексей и сам хотел бы знать ответы на эти вопросы, но что он мог ответить, когда у них не было ни навигационной системы, ни компаса, даже какого-нибудь старинного секстанта.

Они качались на волнах океана уже четверо суток. Алексей через каждые полчаса высовывался из люка и пытался рассмотреть горизонт через микробинокль в виде авторучки, которая прилагалась в комплекте к спасательному костюму, пытаясь таким образом разглядеть хоть какое-нибудь плавучее средство или хотя бы маленький каменистый островок, желательно населённый людьми. Но горизонт был девственно чист и пуст, как во времена сотворения мира. Обзор, конечно, был слишком мал, потому что люк находился лишь на полтора метра от уровня воды. Видеть хоть что-то было возможно, когда их плавучая посуда поднималась на гребень волны. Но что можно было рассмотреть за эти мгновения.

Алексей стал думать, как бы взобраться наверх, туда, где сейчас торчали трубы, скреплявшие две половины катамарана. Перебирая в рундуках, однажды он наткнулся на надувные лодки, на ракетницу с двумя десятками патронов к ней и на свернутые бухтами запасные нейлоновые фалы. Привязав к одному из фалов груз, он пытался забросить его в сторону труб, чтобы зацепиться за одну из них. Однажды ему это удалось, и Алексей взобрался наверх. Отсюда с почти плоской поверхности судна горизонт наблюдения значительно расширился, но это мало что дало: вокруг было так же пусто, как и прежде. Разве что надежды появилось больше. Но взбираться сюда было тяжело, а нещадное солнце палило так сильно, что усидеть на металлической поверхности больше одного часа было невозможно, Алексей делал такие попытки лишь дважды в сутки – ранним утром и ближе к закату.

Одновременно Подноветный пытался сделать вычисления, чтобы определить место их нахождения. По звездам это не получилось, потому что он плохо знал карту звездного неба южного полушария, но по наклону экваториальных созвездий определил приблизительную долготу: между девяностым и сотым градусом восточной долготы. Оставалось определить параллель. То, что они находились южнее экватора, Алексей знал и так. Нужно было лишь определить длительность дня и ночи, сделать поправку наклон солнца. В результате всех вычислений, приблизительных, конечно, Алексей пришёл к выводу, что они находятся между сорок шестым и сорок четвертым градусом южной широты. Так, где же это приблизительно. Но сколько Алексей и Глафира ни напрягали свои уже почти выпрямившиеся от усталости и безысходности извилины, они так и не смогли определить, в какой части Индийского океана находятся. Тогда Глафира предложила свой, женский метод вычисления:

– Слушай, Леш, помнишь мы с тобой были на Байкале.

– Ну, помню, а что.

– Там какая долгота?

Алексей поморщил лоб:

– Кажется, между сотой и сто десятой. А что?

– А ты вообрази, что мы находимся сейчас на Байкале и плывём по нему на байдарке у Листвянки, у самой Ангары. Вода там, как стекло, а небо, небо! Словно всё льном заросло. Красота. А Абхазия где находится? Я имею в виду по широте.

– Ну, это прикинуть надо. Так, если Москва находится на пятьдесят шестой широте, и если до Кавказа около двух с половиной тысяч километров, то Абхазия где-то на сороковой или сорок первой. Ты хочешь сказать, что мы сейчас с тобой загоряем на пляжах Абхазии? – Алексей засмеялся.

Но Глафира очень серьёзно ответила:

– Нет, выходит, что в Сочи или в Крыму.

И тут Глафира неожиданно повалилась на подушку дивана, брошенную на пол, и горько расплакалась. Да так горько, с завываниями, с подвсхлипываниями и с судорожными подёргиваниями всем телом, что Алексей успокаивал её минут десять.

На четвёртый день Алексей снова сидел на пункте наблюдения, когда ему показалось, что на горизонте мелькнул незнакомый предмет. Что это было, Алексей так и не понял: то ли островок, то ли судно, то ли НЛО. Сейчас он был бы рад даже морскому крокодилу или летучему голландцу. Выхватив из кармана бинокль-ручку, Алексей впился взглядом в горизонт, долго шарил глазами по волнистой поверхности океана, пока не разглядел какой-то предмет. Господи, неужели ты услышал наши молитвы, про которые мы, правда, и забыли? Алексей почувствовал, как и голова и всё его существо наполняется воздушными шариками надежды. Он даже не помнил, как что-то прокричал, потому что из люка вынырнула лохматая голова Глафиры, которая спросила:

– Лёш, ты чего?

– А, чего? А, подай-ка мне этот, как её, ракетницу.

– Так она же у тебя, – прокричала Глафира. – А зачем?

– Не знаю, – ответил невпопад Алексей. – Показалось что-то.

– А ты перекрестился? – съязвила Глафира и скрылась.

Алексей всматривался вдаль до рези в глазах, пока не убедился, что на юге, куда сносило их ковчег, что-то было. Это «что-то» то опускалось в волны, то вновь поднималось, но теперь он точно знал, что это «что-то» материально и на самом деле существует. Ему казалось, что он видит на этом плавающем объекте людей, скалы, зелень растительности, даже дома, похожие на средневековые замки. Его обуяла такая радость и такое торжество, что захотелось закричать во всю глотку: «Люди, я здесь! Я ваш брат и друг! Эй! Сюда, скорее сюда, к нам! Эй!» Но тут он вспомнил, как глупо выглядели в фильмах киношные герои, когда они сквозь завывание и свист ветра и грохот беснующихся волн зывали к помощи. Да это ведь писк комара на расстоянии километра.

Алексей поднял ствол ракетницы, висевшей у него на шнурке на шее, и нажал на курок, но вместо выстрела раздался только щелчок. Он с недоумением посмотрел на ракетницу, будто спрашивая: «Что же ты, подруга, подводишь меня». Потом вспомнил, и то не сразу, что патроны лежат отдельно в коробке. Он залез внутрь, схватил коробку, распаковал её, с дрожью в руках вставил патрон и снова нажал на курок. На этот раз ракета взмыла ввысь и затрещала, испуская красные брызги.

Алексей стрелял и стрелял до тех пор, пока не закончились патроны. Снова долго вглядывался в неопознанный объект на воде, наблюдая, как он постепенно смещается влево, и не видел, как на Севере, за его спиной, сначала появились легкие облака, постепенно превращающиеся в тучи. Видя, как исчезает объект его надежды, Алексей поднял голову к небу и зарычал от бессилия. Лишь немного успокоившись, он ощутил порывы холодного ветра,

с безразличием взглянул на набегающие тучи, на потемневшие волны и стал спускаться по привязанной к одной из труб веревке к люку.

Когда Подноветный спустился вниз и задраил за собой люк, Глафира спросила:

– Ты стрелял?

– Так, показалось, – безразлично ответил Алексей, чтобы не расстраивать жену.

– А люк зачем закрыл, мы же с тобой задохнёмся, – словно стоя с ухватом у печки, по домашнему, спросила Глафира.

Натянутые нервы Алексея, пожалуй, впервые тенькнули за последние месяцы, и он закричал:

– А ты не чувствуешь, да! Снова начинается шторм, и куда нас унесёт на этот раз, не знает даже Господь Бог.

Голос Глафиры виновато переломился:

– Извини, Леш, я так привыкла к этой чёртовой качке, что уже ничего не соображаю, не чувствую и не понимаю. Что делать, а, Лёш?

– Будем снова экипироваться, – ответил уже остывшим голосом Алексей. – И ждать, – добавил он после паузы.

Они опять надели спасательные костюмы и легли на диванные подушки около иллюминаторов, держась за поручни. Их спасательную скорлупку бросало всё сильнее и сильнее, чувствовалось, как её то поднимает, то бросает в бездну. Грохот волн, бьющих в борта, оглушал и ужасал их. Сколько продолжалось это природное безумие, ни тот ни другой сказать не мог бы, если бы их спрашивали об этом даже на страшном суде.

В какой-то момент Алексею послышался странный скрежет, потом ещё раз. Он приподнял голову, тронул жену рукой и закричал, стараясь перебить грохот, беснующийся внутри:

– Слышишь? Ты слышала что-нибудь?

– А, что?! – переспрашивала оглушённая Глафира.

Он крикнул ей в самое ухо:

– Ты что-нибудь слышишь?!

Через несколько секунд Глафира отозвалась:

– Да, слышу, скребёт кто-то!

В этот момент они почувствовали страшной силы удар, затем ещё один, и ещё. Половинка судна стала переворачиваться, и Глафира, стараясь удержаться за поручень, закричала:

– Ма-а-ма-а-а-а!!!

16

Питер Черрик мчался по автостраде на своей машине, стараясь успеть вовремя на встречу с матерью. Нет, не потому, что этого требовали обстоятельства, а потому, что сам Питер привык к пунктуальности. Все последние годы, когда он руководил дочерним предприятием отца, требовало от него этого. Переговоры, встречи, заседания, совещания – всё это дисциплинировало, и сейчас Питер уже не мог позволить себе отклониться от размеренного и ограниченного ритма жизни хотя бы на секунду.

Ещё утром мать позвонила ему в офис и потребовала свидания. Сколько он ни старался прояснить цель встречи, она отвечала:

– Питер, поговорим лично, это не телефонный разговор. Понимаешь, для меня это очень важно. Ты приедешь? Ну, обещаю!

И он мчался к ней. Внезапно его машину перегнал открытый джип, свернул на его полосу и притормозил. Чтобы не врезаться, Питер взглянул в зеркало заднего вида и, увидев за собой голубую «Тойоту», бросил машину чуть влево и нажал на тормоза. Это наверняка были молодые люди, которые таким образом искали развлечений. Джип снова рванул вперед и исчез, свернув направо. Питер выругался по-русски:

– Скоты, сядут за баранку, а что с ней делать, не знают.

Питер осторожно тронул автомобиль, взглянув предварительно в зеркало заднего обзора. Сзади была та же голубая «Тойота». Странно, подумал Питер, почему она не обогнала его и не поехала дальше. Подъезжая к повороту, где находилась их вилла, Питер снова взглянул в зеркало и снова увидел ту же самую машину. На этот раз предположения превратились в уверенность: за ним следили. Но кто и зачем? Конкуренты? Методы промышленного шпионажа совершенно иные. Недруги? А что они этим добиваются: что он запаникует и совершит нечто опрометчивое? Не дождутся, он, Питер, уже давно научился управлять своими эмоциями и поведением. Так кто же это?

Он забыл об этом инциденте, как только вошёл в дом. Мать, как всегда, была в халате, в серебряных тубфельках на невысоком каблуке, непричёсанная и без косметики. В таком виде она всегда напоминала Питеру женщину из прислуги. От служанки её отличали разве что надменный и острый взгляд, капризный изгиб губ и небрежные ленивые движения тела и рук. Когда он вошёл, она металась между диваном и маникюрным столиком у огромного резного зеркала.

– Ах, Питер, наконец-то ты приехал, – театралью громко сказала она, прижимая ладони к груди. – Давай, посиди со мной. Я так давно тебя не видела.

Он поздоровался с матерью и сел рядом с ней на диван, уже понимая по её жестам и её привычкам, что ей что-то от него понадобилось. Ему было очень жалко свою непутевую мать, она напоминала ему сейчас увядающий осенний цветок, который при возвестии первых холодов тщится продлить свою красоту и свежесть. При тёплых дневных лучах солнца он ещё расправляет свои лепестки, поднимает головку, а под вечер снова сникает и вянет. Мать продлевала свою молодость, как могла, и он её не осуждал за это – таковы законы природы, и не только человеческой. Эмели сразу стала жаловаться:

– Питер, ну скажи мне, почему твой отец так поступил со мной, что я ему сделала плохого. Он ограничил меня в средствах. Крис мне объяснил, что я могу использовать только проценты по банковским вкладам. Разве это справедливо, сынок?

– Мама, но ведь у тебя есть свой счёт, – возразил Питер. – У тебя есть акции других предприятий. Почему ты не воспользуешься ими.

– Понимаешь, деньги на моём счету уже почти закончились. А акции... Ты же знаешь, что мои акции находятся в управлении отца, и я не могу ими распоряжаться. Продажа акций других предприятий не дадут того, что мне надо. Даже отец, мой родной отец и твой дедушка отказал мне в помощи. А отец, где он, твой отец, где? – Эмели вскочила и снова стала нервно ходить взад – вперёд.

– Но ведь у тебя была довольно большая сумма, мама, неужели ты её истратила.

– И почему вы, русские, так любите считать деньги в чужих карманах! – с раздражением закричала Эмели. – Я трачу столько, сколько хочу и на что хочу. Мне сейчас нужны деньги, много денег. А где твой отец, вот скажи, где?! От него уже несколько месяцев нет никаких известий. – Мать внимательно и, как ему показалось, испытующе посмотрела на сына. – Может быть, его и в живых-то давно нет. Ты как думаешь? Ведь, если бы он был жив, он обязательно бы позвонил.

Питер не знал, что и думать: знала ли мать о его связи с отцом, откуда у неё эти странные вопросы, не надоумил ли её кто спросить его об этом, а если надоумил, то кто. Но мать сама тут же развеяла свои сомнения:

– Я слышала, Питер, что если человек пропал, и его не могут найти определенное время, то его можно считать умершим. Это так?

– Я не знаю, мама, по этому вопросу нужно проконсультироваться с юристом. А почему это тебя так интересует? – недоверчиво спросил Питер.

Эмели взорвалась:

– Да потому, что я, чёрт возьми, хочу наконец-то почувствовать себя хозяйкой, а не содержанкой! Я не хочу до гробовой доски кланчить и выпрашивать деньги, которые по праву принадлежат и мне. Ведь если бы не капиталы моего отца, то Ник никогда бы не открыл своего дела и никогда не стал бы миллиардером! Ты понимаешь – никогда! Он так и прозябал бы в трущобах Брайтен-Бич и пил бы там водку со своими русскими друзьями, закусывал бы их пельменями с начинкой из собачьего мяса.

– Но, мама, одних денег, как ты понимаешь, мало, – возразил Питер. – Нужны еще...

– Да знаю я, – перебила его мать. – Нужны деловая хватка или, как это по-русски, сметка, да? Нужно быть хорошим специалистом в своем деле ну и так далее. Я всё это слышала тысячу, нет, миллион раз. Но мне от этого не легче. Даже мой отец, мой отец поддерживает в этом вас, проклятых русских!

Мать плюхнулась на диван и долго молчала, потом сквозь зубы произнесла:

– Одним словом, мне нужна определённость. Мне надо знать, жив твой отец или погиб. Ты, кажется, нанимал детектива, чтобы он распутал это дело. Как у него дела, что-нибудь известно?

Питер похолодел, поняв, что совершил глупую и непростительную ошибку, поспешив рассчитаться с Бёрном. И наверняка её придется исправлять. Но как? А мать договаривала:

– ... и если твой отец погиб, то я должна войти в права наследства. Как это сделать, ты реши с нашими юристами. Или и этим мне тоже заниматься?

Пообещав предпринять все возможное, чтобы разрешить проблему с отцом, Питер покинул виллу. Выехав на шоссе, он снова заметил на хвосте ту же машину, но ничего не стал предпринимать, чтобы от неё оторваться. Пусть следит, если времени у него много, к тому же ещё и заработает человек. Сейчас Питера заботило другое: с одной стороны, он знал, что отец жив, но не может об этом никому сказать, связанный клятвой неразглашения, с другой стороны, он сам, Питер Черрик, ещё сомневался в этом. Уж не мистификация ли то, что он наблюдал в тайной комнате, уж не подшучивают ли над ним таким образом его конкуренты или другие недоброжелатели? Возможно, такую шутку над ним устроил и сам отец, хотя это было и не в его натуре. Техника сейчас продвинулась так далеко, что с её помощью можно совершить, что угодно. Например, настроить аппаратуру таким образом, что в определённое время (в данном случае по четвергам) появлялось лазерное изображение отца, как это делают по праздникам разные шоумены, чтобы угодить публике и сорвать с неё куш. А как же звонок по телефону, в котором отец (и это был несомненно, его голос) убеждал его, что это никакая не мистификация, а самая настоящая действительность. Возникает вопрос: а что же это было: игра его, Питера, воображения, чья-то злая шутка или всё же правда? Нужно как-то это проверить. А как? Сегодня как раз четверг, и нужно быть на этой квартире. Что он сегодня там увидит и увидит ли что-то вообще.

Но в этот четверг ничего не случилось, он проскукал за компьютером три часа, проделав виртуальное путешествие по Гималаям, и вернулся в свою квартиру. Всю следующую неделю, куда-нибудь выезжая, Питер следил за дорогой, чтобы снова увидеть голубую «Тойоту», но её почему-то не было, словно она провалилась в преисподнюю. Питер облегчённо вздохнул: значит, в тот день это была простая случайность, мало ли машин едут по одному и тому же маршруту. Но в следующий четверг с утра он с удивлением обнаружил, что та же машина с самого утра преследовала его всюду, куда бы он ни поехал: в офис, на верфи, в атлетический клуб, где он по часу разряжался от умственной усталости, в кафе, где он проводил вечерний ленч. Но вечером, когда ему надо было снова ехать на квартиру, он обнаружил, что «хвост» исчез. «Странно, – подумал Питер, – зачем же целый день следить за мной. Они что, изучают моё дневное расписание?»

Он облегчённо вздохнул, но, подъезжая к дому на окраине, заметил, что из-за заброшенных мастерских высовывается нос той же голубой «Тойоты». А это означало одно, что её вла-

делец знал и об этой квартире и о том, что Черрик здесь появится в определённое время. Это его встревожило, но не более того.

Сегодня Питер подъехал чуть раньше обычного, и в вестибюле он застал странную картину: вместо прежнего консьержа он застал самого хозяина Рэнди Кобурна. Тот о чем-то болтал по телефону, отвернувшись к окну. Услышав колокольчик двери, он испуганно прошептал что-то в трубку и положил её на аппарат. Но в последний момент Питер услышал последнюю фразу из разговора:

– Я ничего не обещаю, господин агент, но я попробую. – После чего разговор был прерван появлением Черрика.

Лицо хозяина было бледным и растерянным, словно он увидел привидение или чёрта во всём его великолепии: в козлиной шкуре, с рогами и огромными копытами. Он попытался подняться со стула, не смог, плюхнулся на него, но затем все-таки встал, пытаясь спрятать дрожащие руки за спиной, и не сказал, а, скорее, промямлил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.